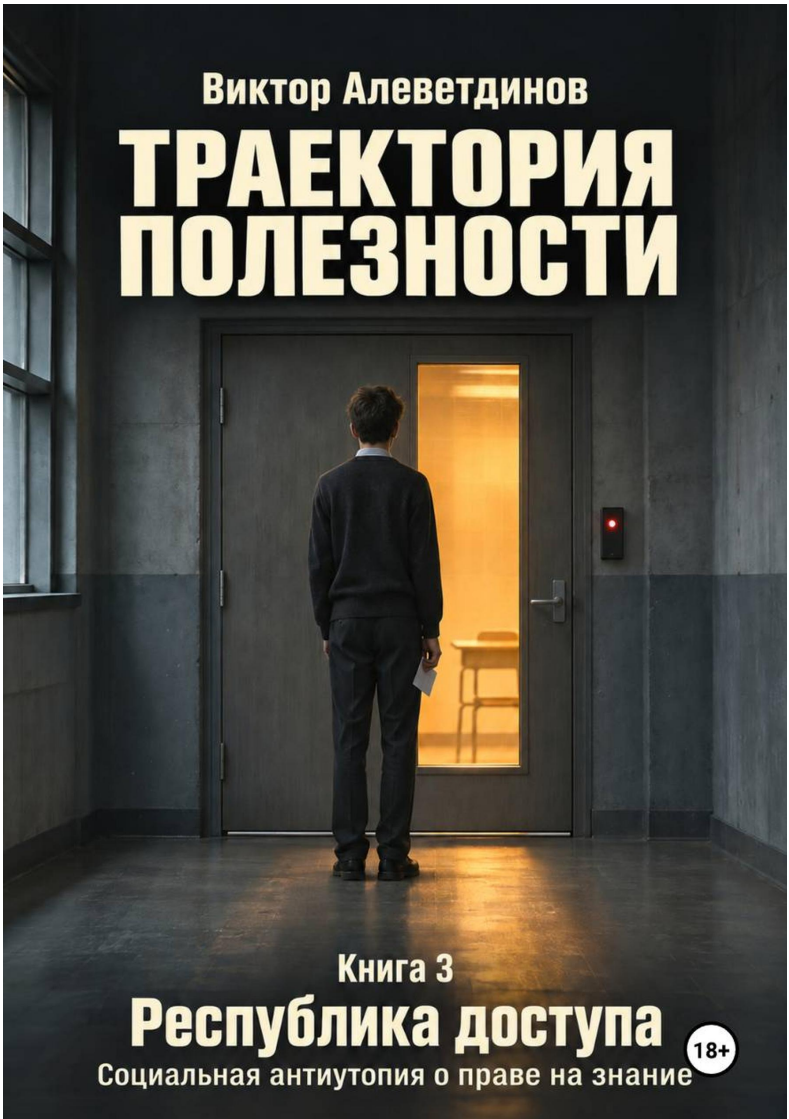
Виктор Алеветдинов

ТРАЕКТОРИЯ ПОЛЕЗНОСТИ

Книга 3

Республика доступа

18+

Социальная антиутопия о праве на знание

Виктор Алеветдинов

Траектория полезности

https://litres.ru/74746318
SelfPub; 2026

Аннотация

Парта Тима Речина пуста. Школа сообщает о «добровольном переводе», а по указанному адресу — закрытый филиал. Среди вчерашних сочинений учительница Лина Ворон находит копию старого экзамена. На обороте Тим оставил вопрос. «Почему нам не задавали таких вопросов?»

В городе-государстве Порог до окончательного распределения выпускников семь дней. Оно определит, чему подростки смогут учиться и кем будут работать. Разыскивая Тима, Лина сравнивает задания по одному предмету. Одним детям дают источники и предлагают проверить выводы. Другим достаётся готовое объяснение.

Добиваясь возвращения Тима, Лина рискует потерять право преподавать. Как оспорить порядок, который лишает детей выбора, если в деле всплывают документы с её собственной подписью?

Содержание

Часть I. Исчезнувший ученик 4
Глава 1. Пустая парта 4
Глава 2. Урок по заявлению 14
Глава 3. Пустой адрес 24
Глава 4. Добровольно до выхода 34
Глава 5. Четыре страницы 45
Глава 6. Драконы датчиков 55
Глава 7. Один предмет 66
Глава 8. Верхняя группа 76
Глава 9. Комната без задач 86
Глава 10. Адрес для живого 96
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Виктор Алеветдинов
Траектория полезности

Часть I. Исчезнувший ученик

Глава 1. Пустая парта

Лина Ворон

День 1, 08:00–09:30. Школа Среднего Контура

Лина Ворон развернула терминал к Денису, остановившемуся у её стола. Он дошёл до строки о свободном выборе, поднял глаза и замолчал. Звонок только отзвучал, а согласие требовалось получить от всего класса до начала занятий.

— Здесь надо написать, что выбрал? — спросил он.

— Здесь надо подтвердить, что тебе предоставили выбор.

— А когда предоставят?

Лина посмотрела на пустое поле под вопросом. Обычно к нему прилагался перечень подготовительных программ. Сегодня перечня не было. Она открыла соседнюю вкладку, но там предлагали вернуться к заявлению.

— Оставь пока пустым. Разберёмся после проверки.

— Потом скажут, что сам ничего не захотел.

Денис повернул терминал обратно. Лина убрала палец с кнопки подтверждения. Хотелось закончить с заявлениями за четверть часа и хотя бы половину урока потратить на текст. Она пообещала сама проверить строку и отметила в школьной копии, что поле оставлено пустым по её просьбе. Только после этого Денис вернулся за парту.

Вошли последние ученики, и Лина начала отмечать присутствующих. Парта Тима Речина у стены оставалась пустой. Вероятно, опять помогал матери с утренней доставкой. Лина коснулась его фамилии, собираясь поставить опоздание.

Открылось белое окно с предложением поблагодарить семью за сотрудничество. Ниже сообщалось, что добровольный перевод подтверждён и сопровождение ученика завершено. Лина перечитала сообщение. В графе учреждения стояло «Центр когнитивной стабилизации». Ссылки на приказ не было.

Денис спросил через проход, ждать ли Тима. Лина пообещала уточнить и открыла меню отметок. Вместо списка учеников ей предложили подтвердить расхождение. Как только Лина это сделала, секретарь прислала предупреждение. Спорная запись задержит выдачу выпускных карточек всему классу. К ней следовало вернуться после урока, когда проверка остальных будет закончена.

— Карточки сегодня выдадут? — спросили с задней парты. — Дома ждут до десяти. Без неё смену не подтвердят.

Семья девочки раскладывала заказы на складе. Чтобы ро-

дителям оставили их часы работы, надо было подтвердить, что дочь учится. Несколько учеников уже приготовились идти за карточками.

— Сначала закончите работу. Если карточки задержатся из-за моего запроса, получите подтверждение для смены.

— Это вместо карточки примут?

— Уточню. Раньше времени никого не отправлю с бесполезной бумагой.

Она сохранила снимок сообщения на браслет и достала бумажные задания для дополнительного занятия. Пока класс читал отрывок и искал в нём основание жалобы, Лина подошла к пустой парте.

Под столом Тима висел мешок для сменной обуви. Лина тронула его и отступила, досадуя на себя. Даже при обычном переводе ребёнок мог не забрать обувь сразу. Сначала нужно поговорить с матерью.

Вчерашние сочинения лежали в синей папке под её сумкой. Дома Лина возилась с выпускными заявлениями, а пять работ решила отложить до утра. Теперь перебирала листы, надеясь найти у Тима приписку о сегодняшнем отсутствии.

Между его сочинением и обложкой лежала сложенная вчетверо копия с чертежом. Лина развернула лист и увидела заголовок старого экзамена. Часть строки у края не попала в копию. На обороте Тим написал: «Почему нам не задавали таких вопросов?»

Она узнала почерк по длинному хвостику у буквы «у», ко-

торый вечно залезал на нижнюю строку. Под вопросом стояли имя и вчерашняя дата. Тим рассчитывал, что она откроет папку вечером.

Лина прикрыла лист сочинением, когда подошёл Денис. Он хотел сдать задание раньше и успеть за карточкой. В отрывке ему было достаточно того, что герой жаловался несколько раз.

— Несколько раз — это основание ему поверить или отказать?

— Если всё время жалуется, значит, ему действительно надо.

— Тогда посмотри, чего он просит. Есть ли у тебя хоть одно подтверждение, кроме самого числа жалоб?

Денис вернулся за парту. На обороте обложки Лина нашла свою вчерашнюю отметку о приёме работ: шестнадцать двенадцать. Папку собирал Тим. Пока она отвечала коллеге и правила время в расписании, он спросил, будет ли она читать сегодня. Лина кивнула, даже не повернувшись. Почему-то именно это и запомнилось.

Под чертежом моста перечислялись источники, которыми можно было пользоваться на экзамене. На схеме обозначили два подхода к переправе, но стоимость рассчитали только для одного. Лина поискала второй расчёт и машинально глянула вниз, где обычно печатали варианты ответа. На обороте продолжалось задание. Нужно было указать, каких сведений недостаёт и какое решение требует дополнительной провер-

ки. В последнем вопросе разрешалось оспорить само условие.

У неё на дополнительных занятиях тоже можно было возражать. Разумеется, можно. Только нужные основания она подчёркивала в своей копии заранее, а неправильный ответ знала ещё до того, как ребёнок начинал говорить. Здесь требовалось сначала решить, чего именно не хватает.

Денис поднял руку. Дата обращения в тексте оказалась раньше события, на которое жаловался герой. Лина попросила выяснить, к какому документу относится дата. Денис пододвинул лист соседке, и они стали перечитывать вдвоём. Хотелось подсказать сразу и до перерыва заняться переводом Тима. Но Денис ещё искал, и Лина дала ему время.

На старом экзамене не было номера учебной выдачи. Лина подняла копию к свету, пытаясь разобрать обрезанный край. Всё остальное предстояло спросить у Тима. Она вложила лист в свой блокнот, чтобы случайно не вернуть вместе с проверенными работами.

В восемь пятьдесят ученики сдали задания. Выпускные карточки всё ещё были недоступны. Лина разослала подтверждение задержки и попросила класс остаться в кабинете до конца перерыва. Учительница математики согласилась принять ребят пораньше. Лина взяла блокнот и спустилась в приёмную.

Секретарь показала на боковой экран у стойки: карточку Речина удобнее смотреть там. В приёмной ждали родители,

и обсуждать сообщение при них Лине не хотелось.

Она вошла со своим допуском. Учебные работы Тима оставались видны, семейная связь исчезла. Телефон матери закрывало уведомление о недостаточных полномочиях. Надежда Речина приходила весной, отпрашивалась со смены на полчаса. Личного номера они не обменяли. Зачем, если связь с учителем была в школьном приложении?

В переписке сохранилось сообщение матери о пропущенном занятии, но ответить на него не получалось. В маршруте перевода значился другой контур. Адреса учреждения не было. Лина набрала вопрос о Тиме в общем чате и стёрла. Там были дети. Сначала нужно выяснить, что известно его семье.

— Дайте номер матери, — попросила она секретаря. — Нужно хотя бы узнать, где ребёнок.

Секретарь прочла отказ: родительский контакт закрылся вместе с переводом, у неё он тоже недоступен. Обращение можно передать через нынешнего сопровождающего. Если семья подтвердила согласие, сообщение учителя могли отнести к завершённому делу.

— Но со мной никто ничего не завершал. Вчера он был на уроке.

— Вчерашнее присутствие в журнале есть. По нему замечаний нет.

— А сегодня отметка об отсутствии не ставится. Как сообщить, что его нет, если сначала требуется подтвердить, что

его перевели?

Секретарь предложила Лине зайти за стойку и открыла отдельную форму. Оспаривание завершённого сопровождения пойдёт с подписью заявителя. Обычная просьба уточнить сведения могла остаться в переписке школы.

— Так и напишите: просит уточнить. Вы же пока не знаете, что произошло.

Вполне возможно, Надежда устроила сына в программу отдыха и забыла предупредить. Хотелось услышать, что всё в порядке, и вернуться к детям. Но короткая форма не требовала ответа к определённому времени. Лина убрала руку с экрана.

— Распечатайте уведомление о переводе. С датой и подтверждением школы.

— Его можно сохранить на браслет.

— Картинка у меня есть. Нужен документ, по которому можно спросить, кто принял решение и куда отправили ученика.

В форме выдачи требовалось указать, какие сведения неверны. Лина не знала, добровольным ли было решение. Написала то, за что могла отвечать: о переводе ей заранее не сообщили, местонахождение ученика не установлено.

Преподавательница математики заглянула за карточками. Лина извинилась за задержку и сказала, что ищет Речина. Коллега позвала её к двери. После пересчёта выпускных мест школа и без того ждала проверку. Ещё одно обраще-

ние о неправильном сопровождении, и проверяющие начнут с подписей учителей.

— Просто спроси Штейна. Зачем сразу заявление?

— Спросить можно и без него. А если ответа не будет?

Коллега помолчала, потом забрала распечатанные подтверждения задержки: детям на склад они пока годились. Лина вернулась к стойке. В строке заявителя стояла её фамилия. Она подтвердила запрос и дождалась номера, прежде чем забрать из принтера уведомление.

За стойкой появился Денис. Математичка отпустила его показать новое сообщение: вместе с подтверждением задержки на браслет пришла предварительная выпускная карточка. Он вывел её на экран и указал на строку назначения. Лина отложила уведомление Речина так, чтобы фамилия была закрыта блокнотом.

Лина сверила имя. Денису предлагали работу оператором сортировочной линии и практический курс при производственном узле. Дальнейшая сложная подготовка для этой роли не предусматривалась. А итоговая работа по школьному расписанию была через три дня.

— Это уже всё? — спросил Денис.

— Карточка предварительная. Итоговую ещё не писали.

— Там про итоговую ничего нет. Про ознакомление есть. Его тоже надо подтвердить?

Закрепление назначалось на восемь утра через семь дней. Возможность пересмотра в карточке не указывалась. Впро-

чем, предварительные расчёты и раньше появлялись до окончания обучения. Лина сама объясняла родителям, что ранний прогноз помогает подготовиться.

— Вчера ты записывался на ремонтное дело.

— Записывался. Там хотя бы можно дальше учиться. Мастер сказал, с моими работами есть смысл пробовать.

— Эти работы у тебя сохранились?

— Все. Только заявление ещё не отправлено. Вы велели оставить пустым, где выбор.

Лина попросила открыть утреннее заявление. Денис оставил строку пустой, как она велела, и выполнил её просьбу аккуратнее, чем она успела её обдумать. В школьной ведомости у него значились ещё два занятия с мастером. Лина записала даты и номер назначения для разговора со Штейном.

— Пока не заполняй. Карточку сохрани, вместе посмотрим, на каком основании её составили.

— А карточку подтверждать?

— Сначала выясним, что означает эта подпись. Ознакомление и согласие — разные вещи.

— Для нас или для них?

Лина обычно старалась отвечать спокойно, чтобы ребёнок не тревожился раньше времени. Сейчас спокойствие пришлось бы чем-нибудь подкрепить.

— В этом и разберёмся. Дай сначала поговорить со Штейном. Твоё заявление пока подождёт.

Денис спросил, можно ли принести после уроков рабо-

ты для мастера. Лина попросила принести копии и оставить оригиналы дома. Он переслал ей карточку и ушёл наверх. Лина забрала блокнот с уведомлением.

У окна Лина развернула старый экзамен и прочла то, что прежде скрывал сгиб. Рядом с вопросом Тим написал «посильность» и перечеркнул слово одной чертой. Обычно после зачёркнутого ответа он вписывал новый. Здесь оставил пустое место.

У секретаря Лина взяла пустую папку. Сфотографировала обе стороны листа Тима так, чтобы читались почерк и дата, и вложила его в папку. Уведомление о переводе и номер запроса оставила отдельно. Записку стоило сперва показать матери. В половине десятого Лина прижала папку к боку и постучала к Штейну. Предварительная карточка Дениса осталась на браслете.

Глава 2. Урок по заявлению

Лина Ворон

День 1, 09:45–12:00. Кабинет директора и школьный медиазал

Лина положила уведомление перед Штейном, а папку с листом Тима оставила у себя на коленях. Директор прочёл её заявление, задержался на словах о неустановленном местонахождении и попросил показать сообщение целиком. На экране браслета ещё была карточка Дениса. Штейн узнал назначение и сказал, что до закрепления такие расчёты разбирают на консультации.

Лина пообещала привести Дениса с работами для мастера и снова спросила, куда перевели Речина. Директор повернул к ней школьную сводку. Рядом с числом учеников, которым подтвердили дальнейшее обучение, стояло количество классов на следующий год. Один из них пока не утвердили.

— Если не подтвердятся ещё несколько мест, группу соединят с соседней, — сказал Штейн. — Твои дополнительные часы тоже уйдут.

Она нашла свой курс в строке расходов. Эти часы ей дали после нескольких лет просьб. На них приходили дети, которым обычного урока не хватало. Лина ещё неделю назад обсуждала с директором, где найти преподавателя для второй

группы, и знала, что он уже получил отказ. Сейчас хотелось отодвинуть расчёт и попросить вернуться к Тиму. Но Штейн оставил экран между ними.

После трудового пересмотра семьи не могли подтвердить будущие смены, а школы — завершить расчёт мест. Финансирование сохраняли при условии, что выпуск пройдёт в срок. Обращение о неправильном переводе придётся объяснять отдельно. Штейн говорил спокойно, сверяясь с цифрами, которых Лина до этого утра не видела.

— Тим не пропал. Его мать согласилась на сопровождение. В основании указан экзаменационный стресс.

— С кем она согласовала перевод?

— С центром. Подтверждение представителя семьи есть. Медицинские подробности нам не передают.

— Медицинские не нужны. Он ещё ученик нашей школы?

В списке класса фамилия Речина оставалась на месте. До окончания выпуска за Тимом сохранялись школа и право на итоговую работу. Штейн объяснил, что профиль закрылся для учителя, когда сопровождение передали принимающему учреждению. У директора был тот же короткий ответ о переводе. Полного документа он пока не получил.

— Тогда почему утренний журнал не дал поставить отсутствие?

— Потому что его отсутствие объяснено переводом. Не спорь с матерью, пока не выяснишь, что произошло.

— С матерью пока даже поговорить не удалось. После пе-

ревода её контакт закрылся.

Штейн посмотрел на уведомление и придвинул его обратно. Пообещал запросить подтверждение зачисления в центр. Лина попросила также выдать справку о сохранённом школьном месте. Он не отказал, но предложил дождаться ответа: возможно, отдельная бумага не понадобится.

В медиазале стоял свободный преподавательский терминал для межведомственных обращений. Штейн разрешил воспользоваться им и попросил прислать номер результата. Лина забрала уведомление. Ей по-прежнему казалось, что сейчас найдётся подходящая форма, после которой можно будет позвонить Надежде и закончить это утро обычным разговором.

В медиазале готовили выпускной показ. На большом экране светилась только левая половина заставки, справа шла проверочная сетка. За дальним столом преподавательница сверяла подписи к учебным работам. Лина села у стены, положила папку на свободный стул и открыла форму обращения.

Терминал определил Лину как преподавательницу Тима. Штейн был прав: школьное место сохранилось. Для проверки перевода требовалось ввести номер подтверждения от принимающего учреждения. Лина вернулась на шаг назад и отметила, что сведений о прибытии у неё нет. Форма запросила тот же номер.

Возможно, ошиблась сама. Лина прошла путь медленно,

проверяя каждое поле. Последняя кнопка оставалась недоступной. Без подтверждения, что Тим находится в центре, нельзя было спросить, почему никто не подтверждает, что он там.

— До этой строки дошла? — спросил Павел.

Он стоял у открытого шкафа, с рабочей пластиной в руке. Павел Десин обслуживал школьные медиасистемы. После расставания они обычно встречались по работе, и за два года Лине почти удалось к этому привыкнуть.

— До неё и обратно. Посмотри, где ошиблась.

Павел попросил повторить запрос. Лина пододвинулась, но осталась в кресле. Сначала сама выбрала поля, потом позволила ему открыть нужный раздел. Павел прочёл пояснение: запрос о нарушении сопровождения примут после того, как учреждение подтвердит приёмку ребёнка.

— Хорошо. А если подтверждения нет?

— Получить у принимающей стороны.

— Для этого и пытаюсь отправить запрос.

Повторить запрос Павел не предложил. Лина сохранила снимок экрана на браслете и потянулась за папкой. Павел попросил подождать. Снимок покажет сообщение, но время и повод подтвердит только копия ответа с номером обращения. Лина посмотрела на недоступную кнопку отправки.

— Оно ведь не ушло.

— До приёмного шлюза дошло. Там и вернули. Если хочешь сохранить отказ, нужен ответ оттуда.

Он показал строку внизу окна. Лина прежде её не раскрывала, ей хватало уведомления о приёме заявления. Павел мог получить служебную копию через проверку терминала, если укажет рабочее поручение и войдёт под своим именем. Она уже хотела сказать, что обойдётся снимком. Он отложил пластину, давая ей время решить.

— Впиши, что проверка по моей просьбе. И оставь причину целиком.

— Целиком и выйдет. Отредактировать её здесь нельзя.

Пока готовилась копия, Павел принёс с бокового столика поднос с водой. Предложил стакан преподавательнице у окна и поставил другой перед Линой. Она только теперь заметила, что с утра ничего не пила. На вопрос, успела ли поесть, покачала головой и взяла стакан, прежде чем он успел напомнить про перерыв.

Из принтера вышла квитанция. На ней было указано, что обращение не принято к разбору из-за отсутствия подтверждения прибытия. Ниже стояли фамилии Лины и Павла. Она прочитала оба имени, сложила бумагу текстом внутрь и убрала отдельно от листа Тима.

Павел вернулся к экрану. После замены разъёма сетка исчезла, и заставка заняла всю стену. Преподавательница у окна попросила проверить, как поверх изображения встанут имена участников. Лина допила воду и собиралась уходить, когда на экране возник список её класса.

Рядом с фамилиями указали, кто и как участвует в откры-

том уроке в день закрепления. Тима ждали очно. Лина поставила стакан и попросила остановить проверку. Павел открыл рабочую ведомость.

— Здесь тоже очно, — сказал он. — Сообщение о переводе у тебя сегодняшнее?

Лина показала снимок. Преподавательница у окна спросила, не должен ли Тим вернуться к выпуску. Директор подтвердил его право на итоговую работу, а в уведомлении срока не было. Хотелось, чтобы всё объяснилось ошибкой в расписании.

Павел нашёл время обновления ведомости: данные пришли утром, уже после перевода. Собираясь отметить строку для исправления, он спросил, нужно ли убрать Речина из очных участников.

— Пока оставь. Сохрани сначала то, что пришло.

— Тогда его будут ждать в зале.

— А если убрать, школа перестанет ждать? Давай прежде узнаем, кто решил, что он будет здесь.

Павел убрал руку с клавиатуры. Список поступил из выпускной ведомости, подтверждённой школой. Тим проходил как действующий ученик с обязательным очным участием. Павел мог проверить передачу данных и вывести копию строки, но менять статус ученика его рабочий доступ не позволял.

Лина попросила копию строки вместе с датой поступления. Ей было неловко снова ставить рядом с собственной

фамилией его имя. Раньше в подобной ситуации она успела бы попросить осторожности, потом рассердиться, что он согласился с ней. Теперь дождалась, пока Павел назовёт, что именно может сделать, и подтвердила просьбу.

— Если он должен приехать, кто оформляет дорогу?

В образце школьного маршрута получатель подтверждал готовность принять ученика, сопровождающий брался его доставить. Для несовершеннолетнего требовалось решение представителя семьи. От школы подписывал Штейн или сотрудник с таким полномочием. Техник регистрировал уже согласованную поездку и проверял доступность проходов в указанное время.

— Значит, можно записать его на урок и вывести из центра?

— Можно подать маршрут. Центр должен согласовать. Одна фамилия на экране дверь не откроет.

Лина посмотрела на пустую форму. Перед обычными выездами всё готовила канцелярия, ей оставалось проверить состав группы. Сейчас хотелось получить хотя бы первую из необходимых подписей.

На браслете появилось сообщение Милы Корд. Девочка спрашивала о Тиме: он обещал принести на занятие старую задачу. Лина знала Милу по подготовительной группе. После потери школьного доступа та присылала ей работы напрямую. Переписка сохранилась отдельно от школьной. Сейчас Лина обрадовалась, что когда-то разрешила ей писать на

личный адрес.

Она ответила, что выясняет, где Тим продолжит занятия, и спросила, давно ли они общались. Закрыла сообщение и вложила копию ведомости в папку, прежде чем забрать её со стула. В этой копии Речина ждали на очный урок, а в уведомлении о переводе его школьное сопровождение было закончено.

Штейн принял её без новой записи. Лина положила перед ним квитанцию об отказе и копию выпускной строки. Директор вернул квитанцию на стол: она подтверждала только то, что обращение не приняли. Лина согласилась. Ей по-прежнему нужна была школьная справка.

Штейн сравнил даты. В выпускную ведомость включали всех, кто ещё числился в школе, в том числе временно переведённых. Запись сама по себе не обещала возвращения Тима к уроку. Лина спросила, может ли школа оформить учебный выезд, чтобы она сама его забрала.

— Сегодня — нет. У тебя нет согласования центра и матери. И от школы такой поездки не будет, пока не выясним условия перевода.

— Тогда дайте адрес. Поеду поговорить, без школьной группы.

— От себя можешь обращаться куда считаешь нужным. Но не представляй поездку как согласованную со школой.

Штейн придвинул к ней квитанцию отказа. Лина едва не стала объяснять, что умеет отличить разговор от вывоза ре-

бёнка, но остановилась. Ещё раз попросила подписать справку о том, что Тим остаётся учеником. Это Штейн мог подтвердить сейчас.

Пока секретарь готовила документ, он получил короткий ответ принимающей стороны. Перевод оформлен, обращение школы зарегистрировано, подробности сопровождения предоставят представителю семьи. В конце стоял адрес учебного филиала на старой образовательной линии. Лина переписала его на оборот уведомления. До полудня оставалось двадцать минут; можно было сначала позвонить, потом решить, как добраться.

— Передайте матери эту справку, — сказал Штейн, подписывая школьный экземпляр. — Возможно, она боится потерять место после перевода. Скажи, что место сохранено.

— Сначала нужно с ней связаться. Отправьте ей копию через школьный канал и просьбу перезвонить мне.

Он велел секретарю передать. Лина проверила в своём экземпляре имя Тима и строку об итоговой работе. Справка подтверждала, что до выпуска он остаётся учеником школы. Она убрала её в папку и поблагодарила директора.

— Копию служебного ответа кто делал? — спросил он у двери.

— Десин. Проверял передачу запроса по моей просьбе.

— Сохрани номер поручения. Если придёт проверка, придётся объяснять каждое обращение к этим данным.

В медиазале Лина показала Павлу справку и попросила

прислать номер его поручения. Он вернул справку, и она села за терминал искать контакт филиала.

Мила ответила, что вчера они с Тимом договорились встретиться после занятий. Теперь она увидела адрес перевода в объявлении об изменениях в группах и хотела проверить, верный ли он. Лина подтвердила номер здания. Мила тут же написала, что там давно нет занятий. Она сама помогала вывозить оттуда школьные столы.

Ответ центра пришёл сегодня именно на запрос о Тиме. Лина попросила Милу уточнить, когда вывезли столы и кто из взрослых был рядом. Потом набрала номер филиала и, пока шёл вызов, положила перед собой подписанную Штейном справку о школьном месте.

Глава 3. Пустой адрес

Рэй Мальцев

День 1, 12:15–16:00. Старая образовательная линия

Рэй поставил стол к стене и выпрямился. Мила уже стояла рядом, подняв браслет: на экране была схема старой образовательной линии. Девочка увеличила одно здание и спросила, помнит ли он, как оттуда забирали мебель. Рэй узнал общий двор у разворотной площадки, но прежде, чем ответить, посмотрел, что она открыла следом.

В объявлении о переводе Тима Речина указали адрес школы, из которой недавно вывезли столы для их занятий. Мила показала на стол у стены. Этот она грузила вместе с отцом. Рэй сверил инвентарный номер под столешницей с фотографией вывоза и попросил вернуть схему.

— Это здание Лине тоже указали, — сказала Мила. — Она уже спросила, когда мы там были.

— Что ты ей ответила?

— Что занятий там нет. Тим вчера обещал принести задачу на сегодня. А теперь написали, что его перевели туда, где даже столов не осталось.

Рэй сел на край соседней парты. Тим иногда приходил сюда после своей школы, помогал младшим разбирать условия задач. Мог по три раза объяснять одно и то же и дожидаться

ответа. Рэю обычно хотелось уже на втором разе забрать карандаш и нарисовать решение. Адрес стоило проверить: по его памяти, через тот двор по-прежнему проходила хозяйственная ветка.

Мила потянулась открыть полное объявление, но он остановил её на странице маршрута. Переписал номер здания и время подтверждённого перевода: вчера, восемнадцать сорок две. Рядом стояла двенадцатая хозяйственная ветка. Остальное оставил у неё на браслете.

Илья Корд закончил закреплять ножку следующего стола и подошёл к ним. Мила сразу сказала, что покажет Рэю дорогу. Отец попросил её сначала сесть за работу: занятие уже начиналось. Преподавательница, раскладывавшая у окна листы, оставила для неё место.

— Там всего один переезд от станции, — возразила Мила. — Быстрее самой показать.

— Схему покажешь здесь. За Тимом вы сейчас не едете.

— Адрес проверю, — сказал Рэй. — Где сам парень, пока не обещаю.

— Хоть адрес. Лина всё ещё туда звонит.

Мила написала учительнице и дала Рэю её личный адрес. Лина подтвердила, что центр указал то же здание, и попросила сообщить, удастся ли застать сотрудника. Рэй убрал браслет. Илья остался у столов. Мила придвинула к себе задание, всё ещё глядя Рэю вслед.

До старой линии он доехал обычным пассажирским мо-

дулем по разовому билету. На пересадке пропустил рейс по верхнему пути: оттуда пришлось бы долго обходить ограду. Дождался нижнего. Вход с той стороны он отмечал ещё до закрытия школы.

Станция называлась по школе, которой здесь больше не было. Табло предлагало пройти к учебному корпусу по размеченной дорожке. Рэй пошёл по ней и упёрся в закрытую боковую дверь. Старую вывеску сняли, оставив над входом крепления. На дверном стекле ещё читалось название филиала, наполовину прикрытое актом о прекращении работы.

Он сверил номер дома. За стеклом первого этажа виднелся пустой класс. На месте вынесенных шкафов остались светлые участки пола. Рэй снял вход вместе с табличкой адреса и отошёл к соседнему корпусу, где вахтёр открывал ворота хозяйственной тележке.

Мужчина выслушал вопрос о филиале и сказал, что школа закрылась несколько недель назад. Сам он работал в соседнем вечернем училище, а общий двор обходил после закрытия. Куда теперь направляют детей на образовательный отдых, он не знал. Рэй дождался, пока тележка проедет за ворота, и подошёл ближе.

— А вчера здесь машина была? — спросил Рэй.

— Машины каждый день бывают. Площадка общая.

— Вчера примерно в шесть сорок. По переводу ученика.

Вахтёр попросил показать адрес. Рэй вывел строку маршрута. Мужчина прочитал её и оглянулся на закрытое здание.

— Это адрес оформления. Или старый остался. Детей здесь нет.

— Вы внутри были?

— Перед сдачей помещений. Потом воду перекрыли. Вон запись у окна, можешь посмотреть.

За стеклом вахты висела ведомость отключений. Рэй подошёл вплотную и нашёл номер корпуса. Электричество в учебных помещениях отключили за неделю до перевода Тима, ещё до вывоза последней мебели. На копии стоял номер работы, рядом была отметка о закрытой подаче воды. Снаружи он увидел запертый хозяйственный вентиль с той же датой на бирке.

Рэй снял ведомость так, чтобы график дежурств остался за кадром. Вахтёр показал ему грузовой вход под навесом. Ключа от помещений у него не было.

— До двери подойти можно?

— До двери. Только пломбу не трогай. За неё отвечает человек, который принимал здание. Ему потом доказывать, что не открывал.

— Снимать разрешите? Чтобы учительница второй раз сюда не ехала.

— Со двора снимай. Внутрь не пущу.

Пломба на грузовой двери оставалась целой. Через маленькое окно виднелся коридор с раскрытой дверью в класс. Рэй прикрыл ладонью стекло от бликов и снял ещё один кадр. Теперь можно было показать и запечатанную дверь, и

пустую комнату. С одним тёмным окном его бы отправили проверять соседнее.

Рэй написал Лине, что дошёл до филиала и нашёл подтверждение закрытия. Из её ответа узнал, что телефон учреждения до сих пор не отвечал. Она спросила, не могут ли заниматься в соседнем корпусе. Рэй уточнил это у вахтёра и назвал фамилию Тима.

— Такого не знаю. У нас взрослые учатся, училище своё. Уведомление у него школьное?

Рэй подтвердил. Вахтёр покачал головой и вернулся к окну. Просить его звонить во все кабинеты Рэй не стал.

Под навесом Рэй снова оглядел подъезд. Пассажирский модуль мог остановиться и развернуться здесь при закрытой школе. В сухом углу площадки сохранились следы колёс, а возле шкафа выдачи валялась снятая упаковка. Рэй присел и повернул этикетку к свету.

На упаковке от чистых чехлов для сидений стоял номер двенадцатой ветки. Доставку отметили вчера вечером, через минуту после времени из объявления. В графе получателя значилась площадка учебного филиала. Рэй снял этикетку там, где нашёл, а потом поднял упаковку: с обратной стороны сохранилась наклейка возврата использованного комплекта на мойку. Её он тоже сфотографировал.

Свежая колея вела от погрузочного столбика к общему выезду. Чья машина и кого везла, по следам не узнать. Рэй показал снимок вахтёру. Тот вспомнил закрытый служебный

модуль. Он постоял у столбика несколько минут, пока водитель забирал чистый комплект и сдавал использованный. Школьную дверь в это время не открывали.

До мойки можно было пройти вдоль ограды, не возвращаясь на станцию. Рэй поблагодарил мужчину, спросил его имя и отдельно записал вместе с номером соседней вахты. Упаковку убрал в мусорный контейнер; этикетку сохранил вместе со снимком погрузочного столбика.

На мойке пришлось подождать, пока работник освободится: перед стойкой стояли два служебных модуля. Когда мужчина закончил промывать съёмный поддон и выключил воду, Рэй показал этикетку. Объяснил, что по этому адресу направили ученика, а школа закрыта.

— Тебя кто прислал? — спросил работник.

— Учительница просила посмотреть здание. Номер машины нужен ей, чтобы спросить, куда его повезли дальше.

— В пассажирский журнал отсюда не войти. Даже не проси.

— Нужен хозяйственный номер. И время, когда машина отсюда ушла.

Работник вытер руки. По этикетке нашёл историю выдачи комплекта и вчерашний заезд. Рэй остался перед стойкой, откуда видел только край экрана. Мужчина сравнил запись со снимком, уточнил дату и прочитал вслух две отметки.

Получалось две остановки. В восемнадцать сорок три машина получила чистый комплект на площадке филиала. В

восемнадцать пятьдесят две приехала на мойку сменить поддон и пробыла там шесть минут. Номер в обеих записях совпадал: 406-18. Работник назвал двенадцатую ветку, ту же, что была в объявлении у Милы.

Он хотел сразу отправить номер Лине, но остановился. Совпадали ветка и время, про Тима в этом журнале ничего не было. Рэй попросил дать ему снять строку. Работник убрал боковую колонку с фамилиями сотрудников, вывел отдельную запись заезда и повернул экран к Рэю.

— Покажешь это всем — спросят, кто дал смотреть.

— В общий чат не пойдёт. Учительнице отправлю машину и время.

— С её заявления и начнут спрашивать.

Рэй опустил браслет. После официального запроса журнал откроют сами, увидят, кто смотрел запись, и придут на эту стойку. Сказать, что фамилия никуда не уйдёт, было бы удобно. Обещать, что её не найдут, он не мог.

— Могу просто записать номер. Экран снимать не обязательно.

— Потом спросят, откуда номер взялся. Всё равно полезут в журнал. Снимай эту строку. Только без фамилий. И не пиши, что видел ребёнка в машине.

— Не видел. Так и скажу.

Рэй снял время заезда, номер модуля и отметку о работе. О направлении спросил у приёмщика. Тот указал на северный выезд и курьерское табло у перекрёстка. На табло можно

было проверить проход по общему коридору. Дальше мойка движение не отслеживала.

Работник представился и разрешил передать учительнице рабочий контакт, когда станет ясно, для какого обращения он нужен. Рэй записал имя отдельно от снимка. Лине сообщил пока только хозяйственный номер. Кто ехал в машине, установить не удалось.

Северный выезд был в десяти минутах ходьбы. От мойки к нему вела одна дорога. За воротами начинался общий коридор к нескольким учреждениям. Над площадкой ожидания сохранялись отметки предыдущей смены: водители сверяли по табло время прохода.

По вчерашней записи двенадцатой ветки машина 406-18 прошла ворота в девятнадцать ноль пять. Дальше её движение отмечали во внутреннем расписании, недоступном на общем экране. С площадки Рэй видел развилку и по пропускному посту за каждым поворотом. Выбирать дорогу наугад смысла не было.

На скамье Рэй сохранил отметку табло с номером ворот и соединил на карте три известные точки. Последняя пришлась на ворота. Он начал вести линию к ближайшему центру и стёр её. Какой из двух поворотов выбрала машина, он ещё не знал.

Лине он отправил снимки входа и ведомости отключения, строку с номером машины и отметку северных ворот. Подписал, что видел сам и что узнал из журнала. Где Тим, по-

прежнему было неизвестно. Зато учительнице не придётся ехать к запечатанной двери.

Лина просила найти «хоть какой-нибудь выход»: центр подтвердил перевод, но к ученику её не соединяли. Рэй набрал, что попробует пройти дальше, и задержал палец над отправкой. Там у каждого окошка придётся объяснять, к кому идёт. Пока он сумел бы назвать только пустую школу.

Он стёр фразу и позвонил учительнице. На заднем плане спрашивали, заберёт ли она работы. Лина попросила подождать; послышалось, как закрылась дверь.

— По номеру можно узнать, куда машина ушла? — спросила она.

— На мойке не знают. На воротах только время прохода. Дальше две дороги.

— А какая из них к учебным центрам?

— Не знаю. Сначала надо спросить у матери, кто подписал перевод и какой адрес ей дали.

— Там написано, что она согласилась, — сказала Лина.

— На что именно? На этот филиал или просто на перевод?

— Пока неизвестно.

— Если у неё другой адрес, будет что сравнить. Сюда Тима на урок не привезли.

— Значит, придётся ехать к ней. Секретарь до сих пор ждёт ответа на сообщение.

— На снимках есть номер здания. Покажите ей. Может, у неё совсем другая схема.

После разговора Рэй записал, откуда взял сведения. Имена тех, кто помог, оставил у себя. На карте подписал закрытое здание «Школа без школы», отправил Миле этот участок и спросил, узнаёт ли она въезд.

Мила узнала место. Попросила дописать номер дома, чтобы следующий человек мог найти его без отдельного поиска. Рэй вписал номер рядом с подписью и в четыре часа пошёл к остановке. По дороге пришло ещё одно сообщение Милы: теперь понятно, можно переслать.

Глава 4. Добровольно до выхода

Лина Ворон

День 1, 17:00–21:00. Квартира Речиных

Надежда открыла дверь с листом в руке и сразу подала его Лине. На распечатке подтверждалось, что Тим размещён для безопасного отдыха. Под заголовком стояла благодарность семье за своевременное содействие школе. Лина дочитала до конца, прежде чем переступить порог.

— Вот, — сказала Надежда. — Всё подтвердили. Ваша справка тоже пришла. Его ведь потом в тот же класс вернут?

— Место за ним осталось. Можно войти?

Надежда прислала адрес полчаса назад, после сообщения секретаря. По дороге Лина собиралась сразу показать снимки пустого филиала и спросить, куда мать согласилась отправить сына. Теперь, когда Надежда пропустила её в квартиру, Лина убрала браслет и достала справку Штейна.

На кухонном столе стояли две тарелки. Надежда сняла кастрюлю с плиты, спросила, будет ли Лина есть, и, не дожидаясь ответа, выдвинула ещё один стул. Возле розетки лежала зарядка. На проводе стояло «Тим». В классе он помечал даже одинаковые линейки из общей коробки.

— На ужин его ждала, — сказала Надежда. — Вчера отдохнул, сегодня домой. Или больше нужно? Временный ведь

отдых.

Точного срока ей не называли. Утром она оставила просьбу перезвонить; в ответ сообщили, что сын в безопасности. Его браслет личные вызовы не принимал. На работе пришлось ждать конца смены, чтобы открыть школьное сообщение.

— Кто сказал, что школа просила о переводе? — спросила Лина.

— Женщина, которая звонила. Вы разве не знаете? У него мог случиться срыв. Сказала, что учителя заметили вовремя.

— Вчера с урока он ушёл без жалоб. Нам о переводе сообщили сегодня утром.

Надежда подвинула распечатку. Лина попросила вспомнить, как накануне предложили помощь. Надежда потянулась к браслету, но положила его экраном вниз.

— Сейчас время записывать будем? А к нему когда поедем?

— По адресу из ответа уже сходили. Школа там закрыта. Другого пока нет.

Лина показала вход с остатками вывески и ведомость отключений. Надежда увеличила снимок ведомости, прочла номер корпуса и села. Про снимавшего не спросила. Посмотрела на свою распечатку и стала рассказывать с начала.

Звонок застал её в лаборатории, перед проверкой очередной партии ткани. До перерыва оставалось несколько минут. Женщина представилась сотрудницей сопровождения,

назвала школу и объяснила, что у Тима признаки переутомления. Отдых предлагался сейчас, пока тревога не перешла в срыв. За школьное место можно было не беспокоиться. Надежде велели подтвердить короткое уведомление сразу после разговора, чтобы помощь не задержалась из-за семьи.

Она вышла к шкафчикам и открыла уведомление. Спросить самого Тима не удалось: соединение уже было ограничено на время сопровождения. В журнале браслета первый звонок стоял в девятнадцать двенадцать. Подтверждение она отправила пять минут спустя.

По записи Рэя машина двенадцатой ветки прошла северные ворота в девятнадцать ноль пять. Школьное объявление отметило перевод ещё в восемнадцать сорок две. Лина выписала оба времени на обороте уведомления. Надежда следила за её ручкой.

Семейный терминал стоял на полке в комнате. Надежда принесла его на кухню и раскрыла перед собой. Лина пересела на соседний стул, оставив хозяйке клавиатуру. Прежде чем открыть согласие, та спросила, получается ли, что сына увезли ещё до её решения.

Лина показала Надежде, откуда взялось время заезда. Машина прошла через указанный филиал раньше, чем позвонили Надежде. Ехал ли в ней Тим, предстояло выяснить у центра. Надежда скопировала номер перевозки и нашла уведомление, которое подтверждала на смене.

На первом экране помещалось несколько строк. Семья со-

глашалась на временное пребывание ученика и поддержку перед выпускными испытаниями. Надежда узнала слова, которые читала вчера. Сотрудница по телефону обещала, что Тим отдохнёт и вернётся к занятиям; мать ещё спросила, не заставят ли его потом догонять пропущенное.

Лина прочитала короткий текст дважды. Сама не раз просила родителей нажать подтверждение до конца рабочего дня: без этого не удавалось оформить школьный выезд. Если начинали спрашивать про каждую строку, объясняла, что это обычная форма.

Надежда открыла приложения. Первой шла знакомая ей памятка для семьи, за ней — условия пребывания, прикреплённые к тому же подтверждению. Лина попросила остановиться у абзаца о возвращении.

Текст связывал его с признанием стабилизации и согласованием дальнейшего образовательного маршрута. Срока не было. Подтверждать стабилизацию должен был уполномоченный участник сопровождения; кого именно имели в виду, на странице не пояснялось.

Надежда вернулась к началу. Лина придержала справку, которую та задела локтем. Хотелось сразу уверить её, что такое условие можно оспорить. Но объяснить, как оно появилось в подписанном пакете, Лина пока не могла.

— Про это ничего не говорили, — сказала Надежда. — Сказали: подтвердите помощь. Здесь даже дня нет, когда его отдадут.

— Нужно получить весь пакет, который был у вас вчера. С датой и приложением.

— Этот и был. Или думаете, ещё какой-нибудь подписала и забыла?

— Нет. Нужно, чтобы на наш вопрос ответили по этому тексту. Кто включил условие и чьего решения ждут для возвращения.

Надежда отодвинула терминал. Лина оставила руки на коленях, хотя хотелось самой открыть нужные поля. Надежда смотрела прямо на неё.

— А отменить это можно? — спросила она. — Чтобы вчерашнее подтверждение больше не действовало?

— Напишем, что требуете возвращения сына. И запросим условия выхода. Но этот текст сохраните.

— Сохраню. Пусть сами объяснят, как такое отменять.

Для получения полного пакета Надежда вошла со своим семейным доступом. Лина подсказала, где запросить копию с отметкой принятия. Пока запрос обрабатывался, Надежда закрыла кастрюлю и убрала остывший ужин в холодильник.

Лина хотела помочь с тарелками. Надежда попросила пока посидеть. Пришлось смотреть, как она ставит чистую посуду в шкаф. В школе у Лины всегда находилось дело для рук, когда ребёнок или родитель молчал.

Копия пришла после шести. Время принятия согласия, девятнадцать семнадцать, совпало с записью браслета. Квитанция подтверждала согласие на пакет с приложением. Кто

составил условия и на каком основании, в ней не значилось. Надежда с помощью Лины сохранила файл и разрешила взять копию для школьного обращения.

Лина положила рядом с терминалом справку Штейна. Школа сохраняла место Тима и ждала его на итоговой работе. Для возвращения требовалось ещё одно согласование. Надежде до сих пор никто не предлагал его запросить. Она дочитала справку до подписи и выбрала на браслете семейный вызов.

На линии отвечала служба сопровождения. После проверки данных Надежде предложили оценить размещение и рассказать, довольна ли она полученной поддержкой. Она сказала, что не видела сына со вчерашнего дня и хочет поговорить с ним. Служащая попросила подождать. Надежда положила браслет рядом с терминалом, включив общую связь.

Ожидание затянулось. Лина смотрела на оставшуюся у розетки зарядку и пыталась вспомнить, был ли браслет Тима подключён к школьной станции вчера. Не помнила. На уроках он сидел тихо, а внимания требовали те, кто опаздывал или спорил. Она закрыла блокнот и придвинулась к браслету Надежды.

Когда служащая вернулась, Надежда разрешила ей говорить с учительницей. Лина представилась, сообщила, что школа сохранила за Тимом место, и попросила соединить её с ним. В службе ответили, что участие учителя можно обсудить при оценке сопровождения. Разговор с учеником сей-

час не предусмотрен.

— Нам нужно услышать, как он себя чувствует, — сказала Лина. — Почему это нельзя спросить у него?

— Сейчас важно не усиливать тревогу взрослым конфликтом. Мама при обращении сама отметила, что опасается срыва.

— Отметила после вашего предупреждения, — сказала Надежда. — До звонка никакого срыва не ждала.

Служащая ответила, что сомнения семьи тоже будут учтены. Встречу предложили запросить письменно через семейный терминал. На вопрос Лины, кто подтверждает стабилизацию и вправе завершить пребывание, предложили направить уточнение по условиям сопровождения.

Надежда закончила вызов и посмотрела на погасший экран.

— Это теперь в семейный статус пойдёт?

Лина заговорила о праве матери видеть ребёнка. Надежда перебила её.

— Про право вчера тоже говорили. А если напишут, что от помощи отказалась? Сама дать ему отдых не смогла, от вашей поддержки отказалась.

Надежда объяснила, что за проверкой семейного сопровождения могут последовать вызовы в рабочее время. В лаборатории её и так отпускали неохотно. Пропущенную смену не оплатят; объяснять мастеру, почему она снова нужна дома, придётся самой. Она спросила, сможет ли Лина под-

писать, что виноватой была форма.

— Подпишу, что Тим остаётся учеником и школа ждёт его на итоговую работу, — сказала Лина. — За остальное пока ручаться не могу.

— Выясните. А до тех пор это будет моё обращение, с моей подписью.

— Да.

— Значит, не пишите за меня, что семья не согласна с сопровождением. Сына вернуть хочу. С ним поговорить хочу. Помощь ему запретить не просила.

Лина подвинула терминал к Надежде. Та потребовала встречи и прямой связи с сыном. У следующей строки остановилась. Лина помогла спросить, кто принял решение о помещении и что требуется для выхода. Надежда сама добавила просьбу вернуть Тима к занятиям: школа сохранила за ним место.

Надежда прочла обращение вслух, поправила слово, которое ей не нравилось, и приложила справку Штейна. Терминал предупредил о проверке семейного сопровождения. Надежда положила ладонь на край стола, записала его номер и всё-таки отправила запрос.

Пока ожидали ответ, Надежда принесла из комнаты школьный пакет Тима. Прозрачная папка лежала у него на столе. Внутри оказалось незаполненное выпускное заявление. Надежда отложила его и спросила, не из-за экзаменов ли всё случилось. По телефону ей говорили именно о нагрузке

перед выпуском.

Лина достала сложенную копию старого экзамена, показала вопрос на обороте и рассказала, где нашла лист. Надежда узнала почерк. Тим и дома спрашивал, почему прежде некоторые задания разрешались всем. Она отослала его к учителям. Кто ещё мог объяснить школьное дело?

Под выпускным бланком лежал узкий талон с печатью хозяйственной службы. Надежда передала его Лине, придерживая остальные бумаги. Это был допуск к разбору списанных пособий для школьной выставки. На талоне стояли вчерашняя дата, фамилия Тима и номер шкафа на складе. Лина переписала его в блокнот.

Надежда объяснила, что сын помогал отбирать материалы. Говорил, что им разрешили посмотреть старые сборники и выбрать страницы для стенда.

— Смеялся ещё: за работу со списанными книгами тоже бумагу с номером выдали. А без неё нельзя? Нельзя, говорит. Так это вы ему и давали?

Лина ответила, что выдачей занималась хозяйственная служба. К ней Тим пришёл уже с копией. Следом из папки выпал карандашный рисунок. Лина подняла его с края стула. На листе был мост с двумя подходами; возле одного Тим поставил вопросительный знак. Чертёж повторял схему из экзамена, но оставался незавершённым. Надежда потянулась разгладить загнутый угол, потом убрала руку.

Лина положила рисунок рядом со своей копией. На обо-

роте талона Тим выписал название экзамена. Оно совпадало с уцелевшей частью заголовка на листе. Он мог скопировать его при разборе пособий, до того как сдал ей папку сочинений. Теперь было куда пойти за источником.

С разрешения матери Лина сфотографировала талон. Надежда хотела отдать всю папку, но Лина попросила сохранить бумаги дома, в прежнем порядке. Для разговора с завхозом хватало снимка допуска. Старый экзамен она сложила по сгибам и убрала отдельно.

Ответ пришёл, когда Надежда закрывала школьный пакет. Семейную встречу назначили через два дня. Маршрут обещали прислать накануне. Присутствие учителя не согласовали.

— Одной ехать? — спросила Надежда. — А вам нельзя даже у входа подождать?

Лина пообещала подать просьбу об участии. Где пройдёт встреча, пока не сообщали. Надежда сохранила разрешение. В день встречи у неё стояла смена, завтра придётся просить замену. Она закрыла терминал, оставив под крышкой распечатку о безопасном отдыхе.

Лина поднялась, но хозяйка попросила подождать. Достала из холодильника контейнер и переложила в него часть ужина. Закрыла крышку и положила на край стола, возле Лининой сумки.

— Заберите. Дома разогреете.

— Спасибо. Утром пойду на склад, до занятий.

— Сразу позвоните оттуда. Если там тоже ничего нет, поеду сама искать.

Лина кивнула и убрала контейнер в сумку, подальше от папки. Надежда проводила её к двери. Уже на улице, без нескольких минут девять, Лина поставила будильник на шесть.

Глава 5. Четыре страницы

Лина Ворон

День 2, 07:00–10:00. Школьный склад и кабинет текста

В семь утра Лина показала завхозу снимок талона и попросила открыть шкаф. Тот дочитал строку допуска, сверил номер с ведомостью и провёл её в глубину склада. Перед нужной дверцей уже стояла тележка. На верхней коробке было написано, что содержимое принято к вывозу.

Лина отодвинула тележку и взялась за ручку шкафа. Завхоз остановил её и показал опись. Талон разрешал Тиму работать с пособиями для выставки. Забрать их домой по нему было нельзя. Лина развернула копию: ей нужен был экзамен, из которого взяли задание.

— Домой не понесу. Нужны для сравнения с нашим заданием.

— Тогда временная выдача, под вашу подпись. А то унесёте, потом спросят, почему в коробке меньше, чем в акте.

— И копию сделать можно?

— С выдачей запишем. Всю папку берите, по листам растаскивать не дам.

В ведомости Лина нашла название, которое Тим выписал на талоне. Папка стояла на нижней полке между учительскими пособиями. На корешке сохранился школьный номер.

Лина раскрыла папку на коробке и увидела знакомый мост. Здесь заголовок читался целиком.

В папке были четыре страницы с последовательными номерами. В описи за ними значился контрольный лист. Лина перебрала страницы, завхоз проверил соседнюю папку. Листа не нашлось.

— При списании вы его видели?

— Папку по номеру сверяли. По листам сейчас смотрим. Могу отметить, что контрольного нет.

— Отметьте, пожалуйста. С сегодняшней датой.

Он сделал запись в выдаче. Лина проверила, что недостачу не отнесли к работе Тима. Ни она, ни завхоз не знали, когда вынули лист.

На вопрос о допуске Тима завхоз показал задание по выставке и запись о выдаче талона. Ученики по очереди помогали подбирать образцы старых работ после занятий. Готовые подборки оставляли на складе. Из списка дежурств Лина сняла только строку с основанием допуска Тима.

На акте списания стояла дата позапрошлой недели. Под ним лежало распоряжение освободить место для новых комплектов. Лина вернула акт завхозу. Папки начали собирать раньше, чем Тим оставил ей свою копию. Она записала дату акта рядом со школьным номером источника.

Пока оформляли выдачу, она заметила в накладной школьную технику. Завхоз подтвердил, что её тоже увезут сегодня: старые медиатерминалы уже приняли к утилизации.

Осмотр после передачи назначала принимающая площадка. В школе можно было оставить только вещь, которую успели исключить из накладной до погрузки. Лина сфотографировала эту часть списка.

Лина расписалась за папку и право её скопировать. Завхоз убрал её номер из грузовой описи, оставив отметку о временной выдаче. Забрав свой экземпляр, Лина позвонила Надежде от выхода. Папка нашлась.

— Значит, он это у вас в школе взял? — переспросила та.

— Да. Папка на складе. Для выставки ему выдали допуск.

— А про него самого ничего?

— Пока нет. Сейчас сравню задания. Потом сообщу, что узнаем.

В кабинете текста Лина положила папку на учительский стол и открыла пособие, выданное её нижней группе. Мост узнала сразу. Чертёж перерисовали, но сохранили оба подхода и ту же подпись под дальним берегом. После короткого сообщения о закрытой переправе ученику предлагалось выбрать подходящую памятку. Правильный вариант она знала: дождаться согласованного маршрута.

На старых страницах следовало разобраться, почему сократилось число поездок и достаточно ли этого для отказа от ремонта. Одно сообщение называло дату закрытия моста. В другом уменьшение потока объясняли тем, что жители перестали нуждаться в переправе. Расчёт учитывал только один из двух подходов. От ученика требовалось отделить наблю-

дение от вывода и предложить проверку.

К восьми Лина вывела на экран первые два сообщения. Решила дать группе десять минут, чтобы увидеть, справятся ли с прежним заданием. На столе уже лежали листы для ответов. Когда дети вошли, она попросила убрать пособия и записать, почему могло измениться число поездок.

Денис первым поднял руку и спросил, сколько вариантов нужно выбрать. Лина сказала, что их предстоит предложить самим, и уже хотела перейти к следующему фрагменту. Несколько человек ещё искали подсказку в тексте. Соседка Дениса перевернула выданный лист.

Лина положила ладонь на стопку. Сейчас они получат внезапную контрольную по тому, чему она сама их не учила. Ей хотелось быстро убедиться, что Тим нашёл важную вещь, а этим детям придётся предъявлять результат. Она убрала ведомость для отметок и попросила вернуть пособия на столы.

— Это без оценки, — сказала она. — Давайте сначала прочтём вместе.

— Совсем? — уточнил Денис.

— За этот разбор отметки не будет. Покажи, откуда начнёшь.

Денис выбрал справку о сокращении поездок и прочитал вывод. Остальные ждали, что скажет Лина.

— На пустой мост тратиться незачем. Людей меньше стало, можно другой путь оставить. А ремонт дороже выйдет, чем…

Лина почти перебила его вопросом о дате. Денис ещё пытался связать свою версию с расчётом, заглядывал на экран и начинал фразу заново. Она дождалась, пока он договорит про стоимость.

— Когда людей стало меньше? — спросила потом.

— После двенадцатого.

— А мост закрыли?

Он нашёл дату в первом сообщении. Соседка подвинула к нему пособие и сказала, что по закрытому мосту всё равно никто не поедет. Денис возразил: в справке написано о поездках в район, а не только через мост. Пришлось перечитать обе строки. Лина отметила на доске, что именно посчитали в ведомости.

— Они могли и до закрытия меньше ездить, — сказал Денис. — Тут же не написано, сколько было одиннадцатого.

— Не написано. Где будем искать?

— В старой ведомости. За неделю хотя бы. Тогда видно будет.

Лина уже собиралась подчеркнуть дату закрытия. Вместо этого вписала «За неделю до закрытия». Девочка у окна попросила смету для дальнего подхода. А вдруг там ремонт дешевле? Лина просмотрела все четыре страницы. Второй сметы не было. Она оставила рядом с чертежом пустое место и записала, чего не хватает для сравнения.

Когда прозвенел звонок, Денис ещё объяснял, за какие дни нужно запросить ведомости. Лина дала ему закончить.

Преподавательница математики заглянула в дверь за своей группой и напомнила о времени. Дети стали собираться; обычный выпускной пакет остался нетронутым.

— Ты его закончила? — спросила коллега.

— Не начинала. Возьму на следующем своём.

— У них и там уже работа стоит. Это время откуда возьмёшь?

Лина провела группу до двери. В собственном плане пришлось зачеркнуть проверку сочинений: она собиралась вернуть их сегодня.

К Павлу она пришла с папкой и нынешним пособием. Он сматывал кабель и попросил минуту. Пока Лина ждала у свободного стола, коллега написала, что сообщила заместителю директора об изменении подготовки и задержке группы. Лина сохранила сообщение и открыла школьный каталог.

В преподавательском доступе нашёлся только нынешний комплект. Лина ввела заголовок старого экзамена — без результата. Попробовала название темы из пособия. Терминал снова предложил ей то же сокращённое задание. Павел подошёл, прочитал запрос и объяснил, что она ищет среди действующих выдач своего кабинета.

— Покажи, какие ещё варианты у этой темы, — попросила Лина.

— Названия могу. Тексты чужой лицензии отсюда не откроются.

— Верхний тоже есть?

— Есть указатель. Это не значит, что у нас есть сам пакет.

Павел вошёл под своим рабочим именем. В списке выдач совпадали предмет, год и номер темы, а траекторию обозначали суффиксом. Лина нашла обозначение со своего пособия. Рядом стояли ещё два. Терминал не дал открыть верхний комплект.

Павел мог подтвердить, какой комплект поступил в её кабинет и когда его выдали. Для этого требовался обычный запрос на проверку учебных материалов. Лина подала его со своего допуска. Он принял работу и вывел перечень с номером проверки. Самих заданий в выгрузке не было.

— Ты это раньше видел? — спросила она.

— Суффиксы? Видел. Считалось, что пакеты под разный темп.

— А что из них убрали?

— Не сравнивал. Проверял, чтобы каждому открылось выданное. Ты разве читала все версии?

Лина посмотрела на пособие, которое много раз раздавала в классе. Объясняла короткие задания экономией времени, а недостающие сведения приносила сама, если дети спрашивали. Обычно не спрашивали.

— Нет, — ответила она. — Своим приносила дополнения. Считала, что этого хватает. Но пакеты не сравнивала.

Она подвинула к нему четыре старые страницы. Павел прочитал первое задание, потом нашёл в нынешнем пособии ту же схему. Положил страницы рядом и сверил текст сооб-

щений.

Лина показала Павлу отметку о недостаче контрольного листа. Полный старый каталог в действующий поиск не переносили. По словам Павла, копия могла остаться на медиатерминале, через который до обновления получали учебные пакеты. Лина открыла снимок накладной.

Павел нашёл нужный школьный номер. К этому времени оборудование уже передали перевозчику. Он связался с приёмной площадкой и уточнил, где проводят осмотр. Для проверки старых школьных записей можно было подать поручение, но забирать устройство целиком никто не разрешал.

— Школьную копию каталога сохранить можно? — спросила Лина.

— Если найдём и площадка разрешит. Впишу в цель осмотра. Остальные данные с накопителя выгружать нельзя.

— Оформляй. Нужны хотя бы наши выдачи за прежние годы.

Пока Павел заполнял рабочую часть, Лина спросила Рэя, сможет ли он проследить вывоз, и назвала площадку и номер груза. Показав его согласие, объяснила Павлу, кто проверял пустой филиал. Тот внёс Рэя в заявку как помощника. Осмотр назначили на десять пятнадцать.

Павел подтвердил поручение проверить школьный каталог и сохранить разрешённую копию. Лина дождалась квитанции. В журнале рядом с её просьбой снова стояла его фамилия.

В медиазале Лина сверила четыре школьные страницы с копией Тима и убрала его лист с запиской на обороте отдельно. Павел проверил, что в оба комплекта попали страницы целиком, с обеих сторон. К каждому Лина приложила копию записи о временной выдаче. Указала, где хранится оригинал, и отметила, что контрольного листа в папке не было.

Лина разложила комплекты по конвертам, закрыла клапаны бумажными полосками и поставила на них дату и подпись. Павел подписался рядом, подтверждая, что четыре страницы скопировали при нём. Одну копию Лина оставила для сравнения. Вторую собиралась передать человеку, который мог проверить старый выпуск независимо от школы.

Через Рэя она связалась с Ильёй. Тот сказал, что в сети помощи есть люди, работающие со старыми учебными материалами, и согласился забрать конверт у входа. Лина попросила сверить происхождение экзамена и наличие полного экземпляра.

Павел получил подтверждение места осмотра и переслал его Рэю. Лина спросила, смогут ли они задержать списание до окончания проверки. Он ответил, что попросит работников площадки, но его поручение не меняет очередь утилизации.

— Если начнут вывозить, покажете им квитанцию?

— Она разрешает осмотр в одном секторе. Охрана не обязана выполнять наши распоряжения.

— Тогда сообщи, если времени не дадут.

— Сообщу. И полный каталог заранее не обещай.

Исходную папку со своим экземпляром выдачи Лина заперла в шкафу кабинета. Илья ждал у скамьи возле входа. Получив конверт, он записал время и убрал пакет, не вскрывая. Лина попросила сообщить, кто примет материалы.

Вернувшись, Лина застала учеников у кабинета. До следующего звонка оставалось несколько минут. Денис стоял с раскрытым пособием и листом утреннего разбора. Она впустила группу, приготовила обещанный выпускной пакет и попросила сесть. Сегодня придётся начать с той части подготовки, которую они пропустили.

Денис положил лист на край её стола. Возле чертежа он дописал вопрос, сколько ехать в обход. Лина прочитала и хотела сразу перенести его к остальным вопросам на доске.

— А если ответа в пособии нет, вопрос считается ошибкой? — спросил он.

— Нет. Только укажи, чего не хватает и где это можно узнать.

Он забрал лист и вернулся на место. Лина открыла обычное задание, а утренний чертёж оставила на доске. Пустое место возле него пока заполнять не стала.

Глава 6. Драконы датчиков

Рэй Мальцев

День 2, 10:15–13:00. Площадка утилизации и сервисная галерея

В десять пятнадцать Рэй положил ладонь на край стойки и подвинул к дежурной копию школьной накладной. Павел стоял рядом, открыв поручение на браслете. Женщина сравнила номер груза с записью приёмки и выдала ему рабочую пластину. Рэя вписала помощником, прежде чем повернуть к ним журнал посещений.

Павел расписался первым. Ставя подпись ниже, Рэй заметил пустую графу выхода. Дежурная объяснила, что пластину после осмотра нужно сдать здесь же. Допуск действовал только в секторе диагностики. На разборочный этаж и в хранилище их не пускали.

За стойкой начиналась галерея вдоль грузовых секций. Людям оставили проход у неподвижной стены, оборудование стояло по другую сторону ограждения, на рельсах. Рэй посмотрел, куда выходят рельсы. Дальний конец скрывался за воротами подачи. Оттуда доносился стук, и через равные промежутки над воротами загорался жёлтый свет.

Над каждой секцией висел сканер. Красный луч скользил по коробкам и замирал на грузовой метке. Когда работник

повернул ящик этикеткой наружу, ближайший сканер опустил головку. Рэй невольно посмотрел на следующий. Эти мелкие драконы стояли друг за другом до самого поворота.

— Драконов здесь всегда столько? — спросил он.

— По накладной оборудование дружелюбное, — ответил Павел.

Рэй показал на головку, которая уже разворачивалась за тележкой. Павел объяснил, что сканер сверяет метки груза. Их самих отметили на входе.

— В другой сектор пройдёшь, дежурная будет объяснять, кого впустила. И к моей подписи вернутся, — добавил он.

— Просто посмотреть тоже нельзя?

— Из нашего прохода смотри. За ограждение без работника не ходи.

Рэй убрал руку с калитки. Хотел проверить, соединяется ли соседняя секция с боковым выездом. На старой карте этот проход был общим. Теперь между рядами стояла перегородка, у ручки висел список допущенных работ. Их поручение этого участка не касалось.

Павел приложил пластину к считывателю у двери диагностики. По эту сторону оставалась приёмная часть галереи; за дверью, вдоль той же стены, тянулись рабочие столы. У дальнего стола работник возился с перекошенной сетчатой калиткой служебного кармана. Рэй отметил её на схеме: через неё можно было выйти к оборудованию, но сейчас работник едва протискивал в щель тележку.

Павел сверил школьный номер с коробкой на стеллаже. Рэй придержал край упаковки. Внутри лежал корпус медиатерминала с пустыми гнёздами. Заднюю крышку сняли, накопителя на месте не было.

— Нас к пустой коробке привели? — спросил Рэй.

— Номер наш. Сначала выясним, кто её разбирал.

Павел позвал приёмщика и показал поручение. Рэй оставил упаковку раскрытой и отодвинул сумку, чтобы тот смог подойти к стеллажу.

Приёмщик проверил метку на корпусе и сказал, что данные сняли до разборки. Школьный каталог теперь находился на общем приёмном узле. Сам накопитель лежал в партии для очистки. Выдавать его посетителям не собирались; прочесть разрешённый материал можно было с рабочего места у стены.

Павел спросил, сохраняется ли старая структура выдач. Приёмщик предложил сначала открыть запись переноса. Рэй подошёл вместе с ними. В окне приёмки за школьным номером шли чужие учреждения. До этого каталог представлялся ему одной папкой, которую надо успеть вынуть из коробки. Здесь требовалось ещё доказать, какую часть можно забрать.

— Наше поручение на школу, — сказал Павел. — Нужен перечень полученных ею учебных пакетов за прежние годы.

— Только его и разрешат. Учебные работы сюда не выгружаются.

— А остальные школы? — спросил Рэй. — Названия те

же, можно сразу сравнить.

— В вашей заявке их нет.

Приёмщик вернулся к коробкам. Павел выбрал школьные записи и отправил запрос. Пока ждали, Рэй спросил, можно ли получить больше. Для чужих данных понадобилось бы основание от их владельцев. Сегодняшний осмотр этого права не давал.

— Лине нужна разница между пакетами, — сказал Рэй.

— И ей нужно знать, откуда взялась копия. Эту можем получить сейчас. Другую пока не можем.

— Если запросить шире, сколько ждать?

— Сначала другие школы должны дать согласие. Кто от них подпишет?

— А нашу в это время будут копировать?

— Если эту заявку не трогаем. Сначала получим по ней, потом решим, чего не хватает.

Рэй посмотрел на закрытые строки. Хотелось сказать, что здесь у них всегда всё закрыто. Павел вписал школьный номер и повернул запрос к нему. Цель совпадала с просьбой Лины. Рэй отступил от клавиатуры.

К одиннадцати разрешение подтвердили. Узел восстанавливал старые выдачи по приёмной копии, Павел сверял номер учреждения у каждой готовой части. Рабочую пластину до конца операции нужно было держать в считывателе. Рэй проверил обратную дверь: в приёмную через неё можно было выйти без пластины.

У стекла над двором Рэй увидел санитарные модули. На ближайшем узнал, как записывают хозяйственный номер, на следующем прочёл 406-18. Сверил его со вчерашним снимком журнала мойки и сфотографировал машину целиком. На правой задней створке была вмятина. Возле неё край дверцы не сходился с соседней.

Работник с листом маршрута поднялся со двора в галерею. На вопрос Рэя о машине он указал на открытый справочник. В нём были хозяйственные въезды и учреждения, за которыми закреплён транспорт. Пассажирских записей там не было.

На стойке в дальнем конце прохода Рэй открыл справочник двенадцатой ветки и сохранил его на браслет. Попросил вчерашний журнал движения. Если машина вернулась на базу, в журнале должна быть отметка. Работник разрешил посмотреть табло, предупредив, что скоро начнут подавать секции. У Павла ещё собиралась последняя часть школьной выгрузки.

Сначала над воротами зажёгся жёлтый свет. Рэй ждал, что, как прежде, пройдёт груз за ограждением, но под ногами дрогнул настил. Секция напротив пошла по рельсам. Медленно, с короткими остановками; край стеллажа приближался к дальнему служебному карману.

Выступающий угол стеллажа задел сетчатую калитку. Она встала наискось поперёк выхода из кармана. Работник бросил тележку и нажал кнопку на стойке. Секция остановилась.

Он потянул калитку на себя. Нижний край скрёб по настилу и не поднимался.

Приёмщик выбежал к пульту, проверил остановку и потребовал всем перейти в приёмную. По связи велели освободить галерею перед отключением. На стойке перед Рэем строка журнала только начала открываться. С другого конца прохода Павел отозвался, что заканчивает сохранять выгрузку.

— Десин, выходите! — крикнул приёмщик. — От питания сейчас всё снимут.

— Сохраняю полученную часть. Ещё несколько секунд.

— Чего ждёшь? — спросил Рэй.

— Подтверждения записи. Если выдернуть сейчас, останется файл без отметки приёмника.

— Тогда жми остановку.

— Уже. Пусть закончит то, что принял.

Павел оставался у неподвижной стены. На его экране шла проверка полученной части. Рэй успел увидеть строку сохранения, затем услышал, что работник за калиткой зовёт помочь. Между сеткой и стойкой оставалась щель для плеча. Человек просунул руку, пытаясь дотянуться до внешнего края.

Рэй подошёл с другой стороны. За спиной работника стояла тележка, отступить с ней было некуда: секция перекрыла задний выход из кармана. Стопу прижало нижней частью калитки. Он мог опереться на вторую ногу, но вытащить за-

жатый ботинок не получалось.

— Поднимите нижний край, — попросил он. — Носок под ним.

— Машина стоит? — спросил Рэй у приёмщика.

— Обе секции на стопе. Отойдите от рельса!

— У него нога зажата.

Приёмщик вызвал слесаря и направился к ним. Рэй просунул пальцы сквозь сетку повыше нижнего края.

— Петлю повело, — сказал работник. — Край чуть вверх и от стойки. Изнутри толкну.

Они попробовали вместе. Сетка подалась, но нижняя перекладина осталась на месте. Рэй переставил ноги, чтобы не стоять на рельсе, и взялся за внешний край. Приёмщик подхватил его снизу. Втроём калитку приподняли настолько, что работник высвободил ботинок.

— Теперь по одному, — сказал приёмщик. — Держу.

Рэй отступил в проход. Работник повернулся боком и стал выбираться через щель. На больную ногу наступил неудачно, качнулся вперёд. Рэй поймал его за рукав и подставил правую руку. Тяжесть развернула его боком, и он ударился левым плечом о выступающий угол стойки.

Он успел сделать ещё шаг, прежде чем боль заставила остановиться. Работник повис на его правой руке, но сразу перехватился за ограждение. Рэй посмотрел на свой рукав. Шов разошёлся возле плеча; под тканью саднило. Приёмщик отпустил калитку и встал с другой стороны работника.

Павел уже шёл к ним от узла, с пластиной и носителем в руке. На груди у него болтался ремень открытой рабочей сумки.

— Идти можешь?

— Могу. У него нога.

— Его уже держат. Ты сам можешь?

Рэй кивнул. Хотелось освободить правую руку, прижать её к плечу и больше ничем не заниматься. У стойки справочника ещё светился экран. До него было несколько шагов. Там оставалась вчерашняя запись, которую Рэй так и не успел снять. Работник перенёс вес на ограждение.

— До двери помоги. Потом отпустишь.

— Здесь держись. Не за левую.

Рэй подставил правую ладонь. Они пошли к приёмной. Едва вошли, свет в галерее погас. Павел предъявил дежурной пластину. Осмотр отметили как аварийно завершённый. Дежурная попросила его остаться для записи обстоятельств, и Павел показал, что удалось сохранить до отключения.

Рэй опустился на ближайший стул. Левое плечо болело даже без движения. Он попробовал снять сумку, но, когда потянул ремень через голову, боль дошла до шеи.

— Помочь? — спросил Павел.

— Слева сними. Руку поднять не получается.

Павел освободил ремень с другой стороны и положил сумку ему на колени. Рэй подхватил её правой рукой, прежде чем та успела сползти.

Работника увели к дежурному медику. Рэй попросил осмотреть и его плечо. Куртку сняли осторожно. Под разошедшимся швом была ссадина, рядом проступал синяк. Медик обработала кожу и попросила показать, где больнее при движении. Рэй едва поднял локоть. Она велела не поднимать руку через боль.

— Дальше не надо, — сказала она. — Сумку на это плечо не вешай.

— Она лёгкая.

— Значит, правой понесёшь. А оборудование пусть забирает взрослый.

Рэй хотел сказать, что оборудование и так у Павла, но промолчал. Пока куртка была снята, двигать рукой оказалось проще. Натянуть рукав обратно без помощи не удалось. Он попросил Павла придержать ткань и сел, прежде чем проверить браслет.

Страницы справочника сохранились не все. В загруженной части нашёлся номер 406-18. Машина обслуживала действующий Центр памяти и когнитивного отдыха у границы Медицинского Кольца. В записи стояли хозяйственный въезд и номер корпуса приёмки. Даты поездок и имена пассажиров к этой строке не относились.

Павел сверил справочник со вчерашним снимком мойки. Номер машины и двенадцатая ветка совпали. Судя по сроку закрепления, машина обслуживала центр ещё до вчерашнего перевода.

В школьной выгрузке сохранилось начало перечня и подтверждение приёмного узла. Павел отметил, где оборвалась запись, и переслал Лине копию с квитанцией. Недостающие годы и связи предстояло искать в другом месте.

— То, что осталось, читать можно? — спросил Рэй.

— Можно. Проверка прошла. Только не дописывай за файл то, чего в нём нет.

— Про машину тоже только база.

— Да. Это ещё не говорит, кого она вчера везла.

В журнале Павел указал время остановки и завершения копирования, приёмщик описал секцию и заклинившую калитку. Рэй назвал место, где помогал работнику, и подписался рядом с утренней отметкой о своём участии. В графе выхода поставили время. Он позвонил Лине из приёмной. Передал страницу справочника и фотографию машины.

— Нашёл, за каким центром закреплена машина 406-18. Про Тима в записи ничего нет. Это пока адрес базы. Журнал за вчера снять не успел.

Лина спросила, что случилось. Он рассказал о калитке и плече.

— Сейчас где находишься? — спросила она.

— У входа. Плечо обработали. Дальше пока не пойду.

— Хорошо. Адрес сверю с Надеждой, когда придёт семейный маршрут. Илье про плечо скажешь?

— Скажу. Павел рядом.

К часу они вышли с площадки. Рэй взял свою лёгкую сум-

ку в правую руку; рабочую Павел нёс сам. У остановки была лестница на верхнюю платформу. Рэй посмотрел на неё и повернул к пандусу на нижнюю. Там сел, положив сумку на колени, и добавил на карту хозяйственный въезд центра. Вчерашний маршрут по-прежнему обрывался у северных ворот.

Глава 7. Один предмет

Лина Ворон

День 2, 14:00–17:00. Кабинет текста и школьная комиссия

В два часа Лина разложила на учительском столе старые страницы и нынешнее пособие. Ольга, которая вела текст в стандартной группе, придвинула стул и сначала посмотрела на год старого экзамена. Потом вернула листы, не дочитав задание о мосте.

Ольга считала, что Лина сравнивает разные подходы. Прежде ребёнку давали сразу несколько трудностей, а теперь учили постепенно, с наглядной опорой. Короткое условие ещё не означало, что от ученика ждут меньше. Возможно, нужное действие перенесли в другую тему. Ольга попросила посмотреть всё пособие.

Лина подала ей книгу. Такое объяснение следовало проверить. Она сама считала удачными многие новые задания: успевали разобрать в классе, дети реже бросали работу на середине. А старый экзамен без подготовки озадачил даже её. Не хотелось объявлять преимуществом любую сложность только потому, что её нашёл Тим.

Пока Ольга перелистывала страницы, Рэй написал, что добрался до Ильи. Лина спросила про плечо. Рэй ответил, что

пока не поднимает руку. Она оставила переписку открытой и вернулась к пособиям.

— Возьмём один год, — предложила Лина. — Покажи ту же тему у твоих.

— У меня стандартная группа. Темп другой.

— Сначала посмотрим задания. Потом объяснение.

Ольга принесла свой комплект. Год, предмет и номер темы совпадали с Лининым. В стандартном варианте тоже закрывали мост, но ученика просили сопоставить причины изменения поездок. Какое объяснение подтверждается сведениями и что остаётся предположением?

В её пособии требовалось выбрать памятку о согласованном маршруте. Лина поискала упражнение на сопоставление причин в разделе и оглавлении. Такого упражнения не было. В утреннем перечне Павла оба пособия числились действующими выдачами по одному предмету. Различались только окончания обозначений.

— Видишь? — сказала Ольга. — Им сначала нужен порядок действий. Иначе утонут в объяснениях, а простого решения не примут.

— Где начинается следующий шаг?

— В дополнительных заданиях. По готовности.

— Укажи страницу.

В конце раздела Ольга нашла упражнение: применить памятку к другому случаю закрытия пути. Задержала палец у заголовка. Чтобы узнать, почему темы распределили именно

так, нужно было обратиться к методистам.

Она оставила свой комплект Лине до конца комиссии. Попросила потом вернуть: вечером предстояло готовить по нему другую группу. Лина вложила между нужными страницами закладку.

Лина записала номера обеих выдач. Ольга разрешила сделать учебную копию стандартного фрагмента для сравнения на комиссии.

— Верхнего комплекта не видела, — сказала она. — Его тоже сравнишь?

— Если дадут посмотреть.

В уведомлении о заседании уже стояло имя приглашённой ученицы: Эмма Крой, программа учебного наставничества. Лина добавила к своему вопросу о заданиях ещё один: кто определяет готовность к следующей ступени.

На дополнительное занятие группа пришла с обычными выпускными листами. Лина показала на экране два современных отрывка, закрыв обозначения траекторий. Попросила сказать, что в каждом придётся делать ученику. Денис узнал свой мост и сразу указал на короткую памятку. У соседнего задания задержался дольше. Мальчик с первого ряда узнал свой вариант. Довольно отодвинул листы.

— Нам лучший дали. Меньше читать, быстрее закончишь.

Денис посмотрел на него, потом на Лину. Спросил, почему одним предлагают объяснять, а другим только выбирать, куда идти. Утром он ещё надеялся, что сложные вопро-

сы просто вырезали из нового пособия для всех.

— Кто решил, что нам этого не надо? — спросил он.

— Пока не знаю. Есть разные выдачи. Нужно выяснить, как их назначают и можно ли перейти к следующей.

— А если нам уже работу назначили, зачем переходить?

Лина помнила его предварительную карточку сортировочной линии. Обещала разобраться и пока не могла сообщить, что граница дальнейшей подготовки изменена. Она ответила, что вопрос о карточке остаётся открытым, и не стала приводить её как объяснение учебной разницы. Денис отвернулся к экрану.

Лине хотелось взять его слова на комиссию: вот что чувствуют дети, когда видят два варианта. Но рядом сидел ученик, которому короткий текст нравился. Ни один ответ не объяснял, почему школа выдала им именно эти страницы. Она убрала блокнот с замечаниями и предложила желающим вместе разобрать стандартный фрагмент.

— Можно вместо него закончить обычную подготовку, — добавила она. — Помощь будет и тем и другим.

Первым выбрал обычный пакет мальчик с первого ряда. Следом подняла руку соседка Дениса. Ей хотелось закончить начатое упражнение, чтобы не уносить его домой.

— А потом переделывать не заставите? — спросила она.

— Это упражнение засчитывается. Останешься с ним.

— Тогда его.

Лина уже приготовилась объяснять, почему новый разбор

важнее, но спросила только, где девочка остановилась. Та показала строку.

Два листа пришлось положить отдельно. Лина начала разбор с остальными и подошла к тем, кто выбрал памятку. Пока уточняла условие, у экрана уже спорили, достаточно ли одного сообщения для вывода о поездках. Вернувшись, она попросила повторить довод. Красивого общего разбора, в котором каждый отвечает на предыдущий вопрос, не получилось.

Мальчик с первого ряда закончил выбор памятки и спросил, нужно ли переписывать её целиком. Лина попросила объяснить выбор своими словами. Пока он отвечал, Денис у экрана поднял руку и опустил, не дождавшись её взгляда.

— За сложные вопросы на обед времени добавят? — спросили с заднего ряда.

Лина чуть не сказала привычное: если меньше отвлекаться, успеете. По расписанию самостоятельная работа заканчивалась в четырнадцать сорок. Она добавила в план ещё десять минут обсуждения.

— Закончим в сорок, — сказала она. — Оставшийся вопрос перенесём. На обед идёте по времени.

Последнее сообщение разобрать не успели. Лина раздала листы и успела проверить обычное упражнение у двух учеников, которые ждали её ответа. В столовую группа ушла вместе. На доске осталась схема причин, которую Лина собиралась закончить за одно занятие.

На комиссию Лина принесла два нынешних пособия и подтверждение выдачи. Старый экзамен оставила в кабинете: вопрос о возрасте бумаги больше не мешал сравнивать нынешние задания. У стола уже сидела Ольга, секретарь готовила протокол. Штейн дочитывал замечание о задержке утренней группы.

Секретарь вызвала Эмму Крой из коридора. Девочка представилась участницей программы наставничества и подала школьный допуск. Уточнила, можно ли показать своё учебное оглавление, и дождалась согласия, прежде чем сесть. Прочла обе страницы и проверила год.

— Для разной подготовки нужны разные ступени, — сказала она. — С готовой опорой можно освоить действие и не испугаться объёма текста.

— А как определяется, что опору уже можно убрать? — спросила Лина.

— По результатам. Когда ученик справляется, ему дают сложнее.

— В нашем комплекте дальше ещё одна памятка. Где искать переход?

Эмма просмотрела соседние темы в оглавлении и нашла тот же номер в верхнем курсе. Повернула экран так, чтобы строку видели и Ольга, и Лина.

В верхнем перечне у темы был раздел проверки источников. Эмма предположила, что в нижнем пособии его перенесли во введение. Лина раскрыла нужную страницу. Там

объясняли, как подобрать инструкцию к готовой ситуации. Эмма ещё раз посмотрела оглавление и вернулась к мосту.

— Здесь только применение? — спросила она.

— В этой выдаче — да. Что должно предшествовать применению у тебя?

— Проверяем, на чём основано сообщение. Кто наблюдал, когда составили запись. Потом уже сравниваем объяснения.

Ольга заметила, что это верхняя ступень. Эмма согласилась, но продолжала смотреть на нижний текст. Лина попросила её показать само личное задание: только учебную формулировку и разрешённые источники. Ответы, оценки и семейные сведения для сравнения не нужны.

Эмма не открыла следующий экран. Объяснила, что оглавление входит в материалы наставничества, а личная выдача доступна по другой лицензии. Для демонстрации можно получить разрешение преподавателя. Она могла запросить его сейчас: вечером в её школе шёл разбор этой темы.

— Попросишь разрешение на полное условие? — спросила Лина. — Важно увидеть, что именно предлагается сделать.

— Могу пригласить на учебную демонстрацию. Копию надо согласовывать отдельно.

— Начнём с демонстрации.

Секретарь записала просьбу. Эмма предложила подбирать индивидуальные расширения тем, кому тесно в обычном комплекте. По её словам, за это отвечали преподаватель

и комиссия. Где искать выданное расширение, девочка сразу сказать не смогла и предложила уточнить у куратора.

Штейн попросил занести в протокол точную разницу двух нынешних заданий. Лина передала секретарю номера комплектов. Когда та спросила, как восприняла сравнение группа, Лина ответила, что мнения разделились. Проверять сейчас следует материалы и порядок их назначения.

Эмма отправила запрос своему преподавателю и убрала устройство. Пока секретарь дополняла запись, она повернулась к Лине.

— Назовите, кому этого комплекта мало. Куратор смотрит работы и подбирает расширение.

Лина вспомнила Дениса у экрана. Так ему, наверное, можно было бы помочь быстрее.

— Хочу сначала увидеть, где продолжается общий курс.

— В наставничестве для каждого отдельно решают. Принесите работу, по ней посмотрят.

Ответ верхней школы пришёл, когда комиссия закончила сверку. Учебную демонстрацию могли провести сегодня в семнадцать тридцать. Принимающая сторона разрешала гостю присутствовать на разборе, но вопрос о выдаче копии оставляла до встречи. Эмма показала приглашение Штейну и попросила оформить сопровождающего.

Директор задержал Лину после остальных. Ольга забрала свой комплект, оставив разрешённый фрагмент Лине. Эмма вышла в коридор ждать школьную часть маршрута. Штейн

просмотрел приглашение ещё раз и сказал, что официальный обмен даст проверяемое основание для просмотра. Учителям не придётся передавать друг другу чужие пакеты с личных устройств.

— Поедешь сопровождающей, — сказал он. — Тема визита — учебные материалы. Тима там не обсуждать.

— Даже вопрос о переводе?

— Ни с учениками, ни с преподавателем. Обращение о нём идёт отдельно. На этот визит согласована другая цель.

Лина посмотрела на бланк. Ей предлагали законный вход туда, где можно увидеть третью версию предмета. Вопросы об ученике, с чьей записки всё началось, директор заранее исключал. Лина спросила, запишут ли условие в поручении. Штейн кивнул и передал текст секретарю.

— Спросить, почему такие вопросы не задают нашей группе, можно?

— Про различие материалов можно. Имя Речина и его перевод не упоминай.

Поручение исключало из программы обмена разговор о конкретном переводе. Лина сохранила экземпляр и согласилась сопровождать Эмму. Штейн подписал школьную часть, принимающая сторона подтвердила маршрут. До отправления можно было вернуться в кабинет за материалами.

В школьном журнале уже лежал запрос о её утреннем занятии. Требовалось представить использованный фрагмент, пояснить изменение плана и согласовать дальнейший до-

полнительный разбор. На следующем занятии должен был присутствовать сотрудник методической службы. Основанием значилось замечание о нарушении подготовки, поданное коллегой.

В её плане уже стояла зачёркнутая проверка сочинений, а дневной разбор пришлось передвинуть ради обеда. Лина оставила место для времени наблюдения и отправила две действующие формулировки с номерами выдач, указав свой вопрос к ним.

В поле возможного времени Лина указала первый завтрашний урок и попросила заранее сообщить имя наблюдающего. Затем приложила план, в котором оставила оба варианта работы.

Эмма постучала в открытую дверь. Спросила, можно ли выезжать: на учебной ветке уже подтвердили места. Лина убрала в папку нижнее задание и разрешённый стандартный фрагмент, поверх них положила экземпляр поручения. Кабинет закрыла своим ключом. До Верхних Террас им предстояло добраться к началу разбора.

Глава 8. Верхняя группа

Лина Ворон

День 2, 17:30–20:30. Школа Верхних Террас

У входа в учебный сад Эмма приложила браслет к считывателю и дождалась, пока Лина подтвердит приглашение. Ворота открылись на дорожку между деревьями. Лина задержалась возле ближайшего ствола: под ногами была земля, корни уходили под край скамьи. Вода из поливного шланга темнила круг у дерева.

Работник подтянул шланг. На нагрудной карточке читалось название службы Нижних Секторов. Он попросил Эмму убрать сумку со скамьи, чтобы добраться до поливного крана. Девочка поблагодарила и подняла сумку. Лина пропустила тележку со срезанными ветками и пошла за Эммой к классу.

Из открытой двери доносился спор о временном маршруте через реку. Ученик показывал на таблицу поездок, соседка просила вернуть предыдущую запись. На всех столах лежали одинаковые комплекты источников. На экране оставалось общее задание. Лина прикинула, сколько времени сэкономила бы её группа утром, если бы детям не приходилось ждать, пока она покажет каждую строку.

Преподаватель встретил их у двери. Проверил цель обме-

на, предложил Лине место за отдельным столом. Там уже лежал демонстрационный лист: схема моста и короткое условие. Он объяснил, что для первого знакомства убрали часть исходных материалов, чтобы гость мог быстро увидеть порядок работы.

Нужно было выбрать готовое решение и обосновать его двумя сообщениями. Лина достала нижний вариант, пока оставив его в папке. Образец для посетителей мог снова оказаться только тем, что ей сочли нужным показать.

— Можно остаться на обычном разборе Эммы? — спросила она. — Нужен тот комплект, с которым работает группа.

— Демонстрация тоже входит в тему.

— Но источников в ней меньше. Сравниваем действующие задания одного года.

Преподаватель посмотрел школьное поручение. Приглашение позволяло наблюдать учебный разбор. Он спросил Эмму, готова ли она работать в присутствии гостя. Та согласилась и показала свободное место рядом со своим столом. Демонстрационный лист остался у двери.

В полной выдаче под той же схемой нужно было проверить сообщения, сопоставить объяснения и предложить выход при нехватке транспорта. Ученик мог указать, без каких сведений его решение останется предварительным. Лине захотелось сразу взять этот комплект в свой класс, до всяких комиссий.

Лина положила папку на край стола. Утром она помогала

искать основания там, где пособие предлагало выбрать памятку. Здесь на такой разбор выделили время и приготовили источники. Значит, этому всё ещё учили. Когда преподаватель попросил открыть ведомость рейсов, Лина потянулась за ней вместе с детьми.

В условии не хватало транспорта для всех привычных поездок после закрытия моста. Нужно было распределить временные рейсы и указать, когда следует пересмотреть решение. Эмма предложила сначала проверить число пассажиров. В отчёте снижение спроса отсчитывали уже после закрытия переправы; по этим данным нельзя было решить, сколько людей вернётся при восстановлении движения.

Лина узнала тот пробел, на котором утром остановился Денис. Эмма, однако, не задержалась на одной дате. Открыла расписание объезда и нашла рейсы, которые перестали учитывать после изменения маршрута. Преподаватель попросил показать, где именно расходятся записи. Она вывела обе строки и назвала вывод предварительным.

Пока обсуждали распределение, сосед Эммы предложил оставить больше мест для рабочей доставки. Она спросила, как тогда доберутся до учебных пунктов дети. Он показал расчёт сменного потока, она — время окончания занятий. Пришлось изменить первоначальный вариант. Лина заметила, что никто не торопится сообщить классу правильное решение.

— На сколько дней вводим порядок? — спросил препо-

даватель.

— До новой проверки поездок, — ответила Эмма. — И надо заранее сказать, при каких данных его меняем. Иначе временное останется, даже когда мост откроют.

Лина взяла ручку. Хотелось записать последнюю фразу, а потом попросить разрешения прийти ещё раз. Так можно было вести текст, право, историю, не подсказывая детям заранее, какой вывод будет считаться правильным. Она начала выписывать вопрос о сроке решения.

Эмма повернулась к нижнему пособию, лежавшему возле папки гостьи. Попросила вернуться к сравнению, которое обсуждали на комиссии. Преподаватель разрешил сформулировать вопрос. Девочка сказала, что результат расчёта зависит от исходных сведений, а подготовка тоже меняется: человек может научиться тому, чего не умел раньше.

— Почему тогда границу обучения закрепляют окончательно? — спросила она. — Кто дал Совету право решать, сколько человеку можно учиться?

— Эмма, после занятия обсудим, как ты себя чувствуешь, — сказал преподаватель, положив ладонь на край стола. — Сегодня у тебя была дополнительная нагрузка по обмену.

— Это вопрос об основании решения. В условии мы же должны его проверять.

— Условие содержит утверждённые ограничения. Сейчас работаем в их пределах. Твоё состояние обсудим отдельно.

Преподаватель вернул на экран таблицу рейсов. Сосед

Эммы открыл свой расчёт, но не сразу заговорил. Эмма положила нижнее пособие рядом с Лининой папкой и записала номер ведомости. Назвала срок первой проверки, о котором спросил преподаватель, и до конца разбора работала с таблицей.

Лина перестала писать. Спросила преподавателя, где в учебной теме проходит граница допустимого вопроса об основаниях. Он ответил, что для обсуждения общественных институтов нужен другой курс, а здесь оценивают решение задачи при заданных условиях. Дополнительное индивидуальное обсуждение поможет Эмме вернуться к предмету без перегрузки.

После занятия преподаватель попросил Эмму задержаться, и Лина вышла к столу для посетителей. Через несколько минут Эмма подошла и сама повернула к ней браслет. В открытом уведомлении говорилось о признаках перегрузки и необходимости обсудить их с родительским куратором. Эмма закрыла уведомление, когда пришло подтверждение запроса на копию.

— Это из-за вопроса? — спросила Лина.

— После него пришло. Раньше такой отметки не было.

Лина посмотрела на свою запись о сроке решения. Ещё недавно собиралась радоваться, что нашла место, где такой вопрос можно задать. Теперь хотелось подойти к преподавателю снова, но Эмма уже открыла форму обмена и спросила, какое название школы внести в получатели.

Для разрешённой копии преподаватель предоставил учебную формулировку с источниками. Личные ответы Эммы в неё не входили. На терминале девочка выбрала данные издания и служебную памятку участнику. Поля оценок остались закрытыми. Лина проверила, что в получателях указаны её имя и школа, затем вернула устройство Эмме.

Для выдачи понадобилось согласие родительского куратора. Эмма связалась с ней, включила общий звук и представила учительницу. Куратор спросила, зачем нужна копия. Эмма ответила, что в программах одного года и по одной теме от учеников требовали разных действий. Она участвует в проверке общего предмета.

— Тебя просят передать задание или выступить с оценкой программы? — уточнила куратор.

— Передать условие для сравнения. Без моих ответов и отметок.

— Сегодня в карте есть предупреждение. С чем оно связано?

Эмма сказала, какой вопрос задала на разборе. Не стала пересказывать его как жалобу на плохое самочувствие. Куратор попросила дать слово преподавателю. Тот подтвердил, что учебная копия может быть передана в рамках обмена, а индивидуальное обсуждение нагрузки проводится отдельно.

Лина назвала номера двух других комплектов. Ей нужно было сравнить требования к ученику. Куратор спросила, где будут использовать материал. Лина ответила, что в школь-

ной методической проверке. Дальнейшая передача зависела от условий разрешения.

— Эмма, это твоя просьба? — спросила куратор.

— Да. Хочу сравнить сами условия. По оглавлению не всё понятно.

— Согласую этот экземпляр для указанной проверки, — сказала куратор. — Личные разделы не передавать. Эмма, обсуждение по карте остаётся обязательным.

— Поняла.

Согласие пришло на терминал. Девочка дочитала его, прежде чем подтвердить передачу. Лина получила файл с полным условием и источниками; преподаватель вывел бумажный экземпляр. На первой странице совпадали год, предмет и номер темы с двумя другими вариантами. Рядом с номером лицензии стоял суффикс верхней траектории. Разрешение называло отправителя, получателя и цель обмена.

Лина пересчитала страницы. В памятке участника нашёлся пункт о методическом возражении по собственной итоговой записи. Оно запускало десятиминутную проверку пакета площадки. В её учительских экземплярах этот порядок так подробно не описывали.

— Что проверяют за десять минут? — спросила она.

— Условие, источники и критерий, на который указал участник, — ответил преподаватель. — На эти десять минут утверждение пакета нашей площадки приостанавливают.

— Даже если вопрос относится к одной работе?

— Материалы общие. Ошибка может затронуть остальных. Но возражение подают по своей итоговой записи, с точным основанием.

Эмма показала строку ниже. Повторный запрос не продлевал срок. После десяти минут требовалось решение ответственного за площадку. Само обращение не отменяло результат.

— Можно по этому порядку оспорить отказ отвечать на вопрос? — спросила Лина.

— Здесь оценивают итоговую работу, — ответил преподаватель. — Участник указывает ошибку в условии или в критерии, применённом к его записи. У сегодняшнего разбора итоговой записи нет.

Лина оставила памятку в копии, а перед первой страницей вложила разрешение преподавателя с перечнем выданных листов. Эмма сохранила своё подтверждение. Предупреждение в её карте оставалось отдельным открытым делом.

Из школы они вышли, когда визит закрыли в журнале. В саду работник сматывал поливной шланг. Эмма перекинула сумку на плечо; Лина придержала дверь, пропуская тележку с инструментами. В папке теперь лежали три современные версии. Верхний комплект был тяжелее остальных, и Лина поймала себя на желании снова открыть его прямо у выхода.

На дорожке к транспортной ветке Эмма спросила о Тиме Речине. Объяснила, что получила список подопечной группы по программе наставничества. Напротив его имени стоя-

ла отметка о переводе. Она не знала, продолжит ли он занятия с классом и можно ли будет предложить ему расширенный разбор.

Лина вспомнила условие Штейна. В школе имя Тима не прозвучало. Сейчас Эмма спрашивала сама, но рассказывать ей подробности семейного обращения Лина не стала. Ответила, что вопрос о возвращении к занятиям ещё решается.

— Если ему нужен сложный вариант, надо показать куратору его работу, — сказала Эмма. — Может, ему дадут место в нашей программе. Зачем оставлять его там, где этого нет?

Лина почти согласилась. Уже прикидывала, какие работы Тима можно подготовить для такого просмотра. Представила его за столом с полным набором источников, без необходимости объяснять, почему он хочет проверить условие. Здесь можно было бы учить его дальше. И в ответе матери наконец появилось бы что-нибудь, кроме сохранённых квитанций.

— А остальные? — спросила она. — Они должны сначала доказать, что им нужны такие задания?

— У них будет наставник. Если справятся, можно просить расширение. Всем сразу мест не хватит.

— Кто учит их до этой проверки?

Эмма посмотрела на папку в руках Лины. Сказала, что в этом и состоит работа наставников: помочь тем, кто готов идти дальше. Лина вспомнила двух учеников, выбравших сегодня привычную памятку. Спрашивать девочку, что счи-

тать готовностью после разных заданий, сейчас не стала. Ей самой предстояло разобраться, какую помощь она всё ещё предлагает своему классу.

— Но одному-то можно помочь сейчас, — сказала Эмма.

— Для начала нужно услышать, чего он хочет.

Проводив Эмму до посадочной линии, Лина пошла на ветку Среднего Контура. В модуле раскрыла папку на коленях и перечитала верхнее условие. Вспомнила, где сама приносила недостающий источник, где заранее сокращала вопрос, чтобы группа успела к следующему звонку.

В 20:20 пришёл отказ. Педагогическую встречу с Тимом не согласовали: разговор о причинах перевода признали дополнительной перегрузкой. Лина проверила имя и номер своего обращения. Нового времени для встречи в ответе не было.

Она переслала отказ Надежде и пояснила, что речь об учительском визите. Попросила проверить, не изменилось ли разрешение на семейную встречу. Мать ответила, что встреча остаётся, маршрут ждёт сегодня. Лина сохранила отказ и закрыла папку с учебными листами перед своей остановкой.

Глава 9. Комната без задач

Тим Речин

День 2, 20:45–22:00. Центр когнитивной стабилизации

В двадцать сорок пять Тим стёр последнюю лишнюю отметку и подвинул лист к краю стола. Следовало найти одинаковые знаки в коротких рядах. На первом ряду он поспешил, зато остальные проверил сам. Ирина, дежурившая вечером, посмотрела работу и разрешила пройтись по внутреннему коридору.

Тим дошёл до окна в конце коридора и вернулся к посту. За два дня успел запомнить, где поворачивать обратно. На браслете показывали распорядок, оттуда можно было вызвать сотрудницу. Через школьную связь нельзя было написать ни матери, ни Лине. В первый раз Тим решил, что надо дождаться утра. С тех пор прошло уже два утра.

Сегодня Тим проснулся до общего подъёма и дождался завтрака. Дома за месяц такого не случалось: перед школой принимал раннюю доставку, потом развозил свою часть по жилому узлу. Здесь за ним не приезжал модуль, не приходилось прикидывать, успеет ли закончить маршрут до урока. После двух полных ночей перестало тянуть глаза. На вопрос Ирины о сне Тим ответил, что спал хорошо.

Она предложила воды и спросила, болит ли голова. Тим

выпил и вернул стакан. Здесь он мог выспаться, после еды не надо бежать, по коридору можно идти и никуда не опаздывать. Даже суп ему понравился. Только принесли его, когда Тим дорисовывал мост, и попросили отложить лист. Дома он закончил бы линию и разогрел суп сам.

У поста стоял шкаф с книгами. Тим уже смотрел названия утром. Теперь спросил, нельзя ли взять сборник задач, любой старый. Восстановить по памяти условие не удавалось, хотелось хотя бы проверить, правильно ли он его запомнил.

— Сегодня снова об этом думаешь? — спросила Ирина.

— Просто почитать. Спал же нормально.

— Сон восстанавливается раньше, чем уходит напряжение. Пока вернёмся к спокойному чтению.

Ирина предложила книгу из шкафа. Тим взял её и полистал. Утром ему сказали, что отдых только начался. Теперь он чувствовал себя лучше, но новую просьбу могли принять за признак того, что отдых ещё рано заканчивать. Он поискал слова, чтобы объяснить, чего хочет.

— А когда можно будет попросить?

— Когда сможешь заниматься без постоянного возвращения к этой теме.

— Если не попрошу, откуда узнаете, что книга нужна?

Ирина сказала, что сейчас не обязательно всё решать. Можно вернуться в комнату и порисовать до вечернего разговора. Тим кивнул. Он ещё хотел спросить, считается ли возвращением к теме сам рисунок, но тогда пришлось бы от-

дать и его. Ирина протянула чистый лист; карандаш остался у него после упражнения.

До комнаты он дошёл медленнее, чем вышел. Положил чистый лист рядом с начатым днём рисунком, а книгу оставил на краю стола. Читать её сейчас не хотелось. До отбоя оставалось чуть больше часа без единого школьного задания.

Здешний мост получился длиннее, чем на старом чертеже. Тим рисовал его по памяти и не мог вспомнить, с какой стороны шла подпись к ведомости. Первую схему оставил дома, в прозрачной папке. Там был и талон на разбор пособий. Если мать станет искать, найдёт оба листа сразу.

Позавчера завхоз показал ему шкаф и объяснил, какие материалы выбирать для выставки. Нужно было найти образцы прежних школьных заданий. Тим снял с нижней полки папку, развернул первую страницу и сперва стал искать ответ. На схеме было два подхода к мосту, а расчёт относился к одному. Хотелось обнаружить строку, которую пропустил.

Он дошёл до вопроса о недостающих сведениях. Потом перечитал разрешение оспорить условие. Получалось, можно написать, что без ещё одной ведомости решать рано, и объяснить почему. Тим снова просмотрел края страницы: вдруг ответ всё-таки был напечатан ниже. Не нашёл и скопировал первое задание для стенда.

В кабинете выпускного сопровождения ещё принимали заявления. Он подошёл к свободному сотруднику и показал копию.

— На нашей итоговой будут такие вопросы?

— Работай по своей учебной выдаче, — ответил тот. — Сейчас нужна подготовка, а не поиск прежних программ.

Тим попытался объяснить, что дело не в возрасте бумаги. Договорить не успел. Сотрудник вернул лист и вызвал следующего ученика.

На браслет пришло предупреждение, что нужно вернуться к установленному плану подготовки. В кабинете добавили, что при повторных затруднениях подключат семью. Тим убрал лист. Можно было спросить, где именно он ошибся. Хотелось уже выйти, пока разговор не дошёл до матери и её смены.

Потом он собирал сочинения. Сложил копию вчетверо, написал на обороте вопрос Лине и вложил лист под обложку. У её стола спросил, прочтёт ли она работы вечером. Лина кивнула, продолжая говорить с коллегой. Тим видел, как она отметила время приёма папки. Решил, что утром можно будет спросить снова.

Вечером за ним приехали к дому. Предложили сначала съездить на осмотр, отдохнуть и уже там связаться с матерью. Тим оставил школьные бумаги на столе и взял браслет. Он правда хотел поспать. В центре ему позже сказали, что мать согласилась на временное пребывание. Утром вместо школы начался местный распорядок.

Ирина остановилась у открытой двери и спросила, о чём он думал, пока рисовал. Тим сказал про старое задание и Ли-

ну. Ирина подвинула бланк вечернего разговора и предложила записать, чего он хотел добиться, когда передавал лист учительнице. В одной из строк уже стояли слова о желании привлечь внимание взрослого.

— Хотел, чтобы прочла, — сказал Тим.

— Значит, можно начать с внимания учителя. Тебе было важно, чтобы заметили.

— Чтобы она прочла вопрос. Почему таких нет.

Он услышал, как неловко это прозвучало, и попробовал ещё раз. Ирина ждала. От этого хотелось объяснить всё сразу и без ошибки. Тим придвинул рисунок, но разговор о мосте снова сочтут напряжением. Строку о внимании он оставил пустой.

Вместо неё попросил передать матери вопросы. Ирина сказала, что написать письмо можно, и оставила ему лист. Тим начал с просьбы прийти и принести очки. Потом написал, что в старом экзамене были задания, которых им не давали, и спросил, почему его из-за этого отправили отдыхать.

Ирина прочла лист и вернула его. Для учебных вопросов есть другой порядок, сказала она. В семейном письме нужно рассказать, что тревожит и чего ждёшь от встречи. Тим перечитал строчку. Именно это его и тревожило.

— Вместо учебной версии напиши, что чувствовал, — предложила она. — Маме нужно понять, как тебе помочь.

— Пусть спросит, почему привезли.

— Сейчас она прочитает, что ты продолжаешь спорить с

заданием. А тебе нужен спокойный разговор с ней.

Тим хотел ответить, что в самом условии разрешали его оспорить. Он прикусил губу, взял новый лист и написал, что боится остаться здесь, не зная, когда отпустят. Это было правдой. Снова попросил очки и добавил, что очень ждёт мать.

На отдельном листе попросил объяснить основание перевода. Не стал писать длинно: почему его поместили в центр и кто решает, когда можно вернуться к занятиям. Ирина спросила, кому адресовать эту часть. Он хотел, чтобы прочла мать, а ответил тот, кто знает.

— Ей второй лист не передам. Здесь опять учебные вопросы. Оставить у нас как обращение можно.

— А на первом останется, что страшно?

— Да. Это нужно передать.

Ирина сняла личное письмо на браслет и отправила матери. Лист с вопросами вернула с отметкой, что передача в составе письма не разрешена. Тим прочёл её два раза. Поднёс лист ближе к глазам: без очков так было легче разобрать мелкую строчку.

— Первый лист целиком отправили? — спросил Тим. — Про страх тоже?

— Да. Именно тот, который ты переписал. Если захочешь добавить, напишешь ещё.

— Можно этот оставить себе? — спросил он, подняв возвращённый лист.

— Черновик твой. А обращение зарегистрируем отдельно.

— И копию с отметкой дайте. Чтобы не пришлось заново писать.

По просьбе Ирины Тим перенёс оба вопроса на бланк, сверяя каждое слово. Ирина принесла с поста копию с номером регистрации и датой приёма. Строка для ответа пока пустовала. Отвечать будет старший сотрудник.

Ирина показала запись о встрече. Мать могла прийти завтра вечером, поговорить недолго и при сотруднике. Требовалось согласие Тима. Он спросил, можно ли позвонить ей сейчас. Пока предлагали письмо, а время встречи уже согласовали с представителем семьи.

— Завтра точно придёт?

— Со стороны центра встреча подтверждена. Мама получила разрешение.

Тим согласился сразу. Ирина спросила, сердится ли он на мать.

— Хочу, чтобы пришла.

— Это не одно и то же.

— Сержусь. И хочу, чтобы пришла.

Он пожалел, что не спросил, сколько именно минут дадут. Мать могла ждать от него спокойного разговора, а он уже представлял, как покажет ей два листа и опять запутается в словах. Ирина попросила дописать, что он согласен на встречу. На этот раз прочёл строку до конца и поставил подпись.

Перед отбоем она принесла форму готовности к возвращению. Тим отодвинул рисунок. Сотрудница объяснила, что сон и обычные занятия налаживаются; подтверждённая готовность войдёт в пакет для дальнейшего согласования. Он взял ручку, ещё не дочитав страницу.

Сверху был режим дня, ниже — заключение о причинах напряжения. Подпись ставили сразу под обоими разделами. Согласившись с распорядком, Тим заодно отказывался от «непосильных связей», к которым возвращался до перевода в центр. Он посмотрел на нарисованный мост.

— Что это, «непосильные связи»?

— Поиск объяснений, к которым ты возвращаешься, — сказала Ирина. — Сейчас нужно восстановиться, не усиливая нагрузку.

Тим провёл пальцем по линии берега. Можно было подписать, уехать, а дома разбираться дальше. Никто ведь не запретит думать, если на бумаге будет написано другое. Только мать получит эту же страницу и увидит его подпись.

— Про сон могу подписать, — сказал Тим. — Спал лучше. А это отдельно можно?

— Бланк общий.

— Не нужно здесь писать, что всё было непосильным. Не понял — это не значит, что совсем не могу.

Ирина предложила не спешить с подписью. Тим дочитал до общей строки, сжимая ручку так, что на ладони остался след. Захотелось подписать что угодно, лишь бы больше не

объяснять, чего он хотел и что чувствовал. Он положил ручку на стол.

— Дайте отдельный бланк. Что спал нормально и распорядок прочитал.

— Без старшего заменить форму не могу. Запрос передам, но сегодня готовность так не оформим.

— Про распорядок подпишу. Прямо сейчас.

Ирина открыла его запись на браслете. Пока она работала, Тим ещё раз посмотрел на место для подписи.

— Значит, ещё оставаться?

— До решения по возвращению. Уточнённый бланк раньше завтра не выдадут.

Он кивнул. Хотелось сказать, что тогда и спрашивать было незачем. Но спросили про подпись, не про то, хочет ли он остаться. Тим вернул форму незаполненной. Ирина записала, что требуется уточнение, и напомнила о завтрашней встрече.

Когда она ушла, он ещё немного посидел у стола. Сердился на себя: мог задать вопросы проще, мог договорить с первого раза. Может, тогда взрослые поняли бы быстрее. Он перечитал копию запроса и не нашёл, как сократить два предложения, чтобы из них не пропало главное.

Тим сложил лист и просунул его под край матраса. Рисунок оставил на столе. После сигнала ко сну лёг, прислушался к шагам в коридоре и повернулся к стене. Завтра мать придёт; прежде чем начинать объяснения, надо будет дать ей

прочитать то, что уже написано.

Глава 10. Адрес для живого

Рэй Мальцев

День 2, 21:00–23:00. Хозяйственный периметр центра и Нижние Сектора

В девять вечера Рэй остановился у табло хозяйственной приёмки. Сумку держал в правой руке. До центра доехал по обычной ветке, от остановки шёл вдоль наружной ограды. Илье перед выходом сообщил, куда идёт, и оставил время возвращения. У въезда висела схема: сюда принимали груз и семейные передачи, к пациентскому входу вела другая дорожка за вторым периметром.

На табло нашлась двенадцатая ветка. Машина 406-18 ждала выезда. Сквозь ограду Рэй узнал перекошенную дверцу у вмятины на правой задней створке, которую днём снял через стекло галереи. Теперь модуль стоял у того центра, за которым числился в справочнике.

Водитель сдал пустой контейнер, получил другой и закрыл отсек. С этой стороны пассажиров не высаживали. Когда водитель отошёл, Рэй сфотографировал номер машины рядом с вывеской центра и снял нужную строку на табло. В ней значились только ветка и место обслуживания.

На открытой странице для ожидающих груз Рэй сверил номера и часы с табло. Сохранил страницу отдельно от кар-

ты. Теперь можно следить за рейсами и не торчать всю ночь у ограды. Лине написал, что видел машину у центра.

Она позвонила почти сразу. Спросила, как плечо и зачем он снова у центра. Рэй объяснил, что дошёл только до общей приёмки. На лестницы пока не лез, сумку на больную руку не вешал. Последнее прозвучало оправданием, и он добавил, что снаружи всё ещё можно смотреть.

— Машина точно та? — спросила Лина.

— Номер и створка совпали. Фото отправил. Но из машины Тима не видел.

— Надежде прислали семейный маршрут. Она сейчас сдаёт вещи. Ждём квитанцию.

— Адрес уже есть?

— Пока пункт приёма. Корпус пребывания обещали указать после приёмки.

На схеме приёмный стол стоял у наружного входа, а путь к корпусам уходил за ограду. Здесь могли подтвердить доставку в центр и ничего не сказать о человеке. Рэй попросил Лину переслать именно строку о корпусе, когда её выдадут.

У выхода из приёмки появился мужчина с небольшой тележкой. Рэй уступил ему дорожку, передвинув сумку к правой ноге. Под курткой заныло левое плечо. За день он уже успел привыкнуть держать локоть ближе к телу, но всякий раз вспоминал о руке, когда нужно было пропустить встречного.

Он отошёл к скамье у остановочного кармана. Оттуда бы-

ли видны въезд и ближайшая часть корпуса. На карте отметил место, где можно ждать, не заходя в грузовой проход. Лина написала, что Надежда вышла из приёмки и получила документ. Рэй перестал двигать схему и открыл разговор.

Сначала пришла фотография пакета на приёмном столе. В прозрачном кармане лежала бирка с именем Тима; внутри виднелась домашняя кофта. Надежда пояснила, что надпись на вороте он сделал сам, чтобы вещи не перепутали на общей сушке. Пакет приняли для передачи в жилое отделение. На снимке рядом стоял номер его внутренней приёмки.

Лина переслала разрешённую для сверки часть квитанции. Семейные реквизиты оставались у матери. Здесь были имя получателя, название центра и корпус пребывания — третий. В строке о размещении стояло время фактического поступления: позавчера, девятнадцать четырнадцать. Сегодняшнюю передачу вещей приняли в двадцать один восемнадцать.

Рэй открыл отрезок, который составил вчера. После мойки машина прошла северные ворота в девятнадцать ноль пять. До центра отсюда успевала доехать. Время не доказывало, кто сидел внутри, зато больше не требовало невозможного переезда через полгорода. Он нашёл на наружной схеме третий корпус и увеличил ближайший к нему проход.

— С согласием сверила? — спросил он Лину.

— У Надежды девятнадцать семнадцать. Поступление записали на три минуты раньше. Теперь запросим основание

этой записи.

— Вещи точно в третий приняли?

— Да. В квитанции это корпус пребывания сына. Надежда сама подтвердила получение документа через семейный доступ.

Кофту приняли для Тима в третий корпус. Рэй подписал здание на карте и поставил рядом время проверки.

Квитанцию к карте не прикрепил. Сохранил в отдельном разговоре с Линой, чтобы потом можно было проверить источник. Для дороги оставил номер корпуса и название приёмки.

Он собирался сразу соединить старый филиал с новым корпусом одной линией, но остановился. Между ними был подтверждён путь машины лишь до северных ворот. Остальное установили по нынешней приёмке и семейному документу. Рэй оставил разрыв и подписал пустой филиал: «Адрес из школьного уведомления». Новую точку пометил как подтверждённую.

Лина попросила показать Надежде путь к завтрашней встрече. В семейном маршруте посетителей направляли к пассажирскому входу. Рэй предложил обойти ограду снаружи. Лина попросила прислать только доступную дорожку до стойки.

Рэй поставил сумку на соседнее сиденье и приблизил на браслете схему. Служебная дверь в третьем корпусе выходила к разгрузочной площадке. Оттуда можно было пройти

внутрь с тележкой. На плане, однако, не было ни комнаты Тима, ни перехода из приёмки в жилую часть.

— Если найти вход отсюда, школьная справка всё равно нужна? — спросил он.

— Для возвращения к учёбе нужна, — ответила Лина. — И решение матери, и согласование с центром. Сам проход этого не заменит.

Рэй убрал увеличение. В служебной двери на минуту появился работник, пропустил тележку и закрыл её за собой. Снаружи это выглядело простой дорогой. Рэй взял сумку и пошёл по указателю к пассажирскому входу.

Внешняя дорожка вывела к прогулочному двору, обозначенному на схеме участка. От скамеек шла дорожка к корпусу, отделённая от служебного проезда оградой. Над дверью стояла цифра 3. Рэй сверил её с квитанцией и отметил поворот. Внутренний проход от грузового табло был не виден.

Он остановился у старой лестницы на наружную галерею соседнего служебного здания. Сверху можно было бы рассмотреть стык оград и проверить, есть ли переход за углом. Днём, когда искал путь по карте, лестница показалась удобной. Снизу она оказалась почти вертикальной: на площадку выходили, перехватываясь обеими руками.

Рэй поставил сумку на нижнюю площадку. Взялся правой рукой за перекладину, поднялся на первую ступень. Для следующего движения пришлось потянуться левой. Плечо заболело раньше, чем пальцы сомкнулись на металле. Он вернул

ногу вниз и ещё немного постоял, не отпуская перекладину.

Рэй прикинул высоту до площадки. Можно подняться боком, придерживая больную руку у груди. Наверху он увидит ещё один кусок забора, а возвращаться придётся с тем же плечом. Он осторожно разжал пальцы и забрал сумку.

На карте лестницу оставил, но маршрут по ней не провёл. Спустился с нижней площадки и пошёл дальше по дорожке. Плечо продолжало ныть, хотя руку больше не поднимал. Через несколько шагов остановился у ограды, пока боль не стала привычной, и только потом открыл схему.

Пассажирский вход нашёлся за следующим поворотом. Перед шлюзом было место для ожидающих, сбоку — табличка для сопровождающих. Рэй подошёл настолько, чтобы прочесть её, не проходя к считывателю. Семейные посещения принимали по своему расписанию. Ниже отдельно указывались согласованные учебные выезды с передачей ученика представителю школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.